

*Интерьер
для птицы счастья*

*русский
любовный
роман*

Светлана Демидова

Светлана Демидова

Интерьер для птицы счастья

«Автор»

2007

Демидова С.

Интерьер для птицы счастья / С. Демидова — «Автор», 2007

ISBN 978-5-699-22453-1

Саша – милая и приятная женщина «за тридцать» развелась с мужем и жила себе спокойно, уверенная, что любовные игры больше не для нее. Но вдруг в их налоговой инспекции появился новый начальник. Красавец, каких поискать. И, несмотря на то, что все женщины офиса поголовно влюбились в него, пылкой страстью он воспылал именно к Саше! Что же ей делать? Сопротивляться – и нахлынувшим чувствам, и проискам замужней начальницы, которая во что бы то ни стало решила заполучить сердцеда в свои объятия, а потому использует для этого все возможности? Неужели из-за прекрасных глаз нового шефа Сашеньке придется менять работу?..

ISBN 978-5-699-22453-1

© Демидова С., 2007

© Автор, 2007

Содержание

	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Светлана Демидова

Интерьер для птицы счастья

Честно говоря, Саша думала, что «помятое лицо» – это литературная метафора, однажды кем-то удачно найденная и эксплуатируемая теперь всяким, кому лень придумать собственное сравнение. Сегодняшнее утро предоставило ей доказательства того, что помятое лицо – не писательский экзерсис, не стилевая принадлежность какого-нибудь Акакия Акакиевича как литературного персонажа, а суровая правда жизни. Из зеркала ванной комнаты на Сашу смотрело ее собственное лицо с явственным отпечатком загнувшегося уголка наволочки с пуговицей.

Саша коснулась отпечатка пальцами. Он был глубоким и рельефным. Саша потерла щеку ладонью. Щека покраснела, но рубцы отпечатка сделались еще отчетливей и бордové. Какой ужас! Зачем она спит на этой старой маминой наволочке с пуговицами? Жалко выбросить! Вот они – издержки плюшкинизма! Куда ни глянь – сплошной Гоголь!

Намылив жесткую массажную мочалку, Саша с ожесточением принялась стирать ею пуговичный отпечаток. Он не стирался. Он приобрел одинаковый со щекой оттенок сырого мяса, но просматривался все так же отчетливо. Саша поняла, что пошла по неверному пути, и густо намазала щеку жирным ночным кремом. В ожидании его воздействия она постояла немного у зеркала, но ожидания не выдержала: стала пальцем протирать в креме окошечко, чтобы понаблюдать за процессом. Процесс не шел.

«Нет, – решила Саша, – надо взять себя в руки и отвлечься от щеки завтраком». Она варила кофе, делала себе бутерброды и потом даже пила и ела, но отпечаток наволочки не выходил у нее из головы. Вот оно. Началось. Необратимый процесс ее старения как физического тела скоро станет заметен широкой общественности. Говорят, что у женщины самыми первыми стареют шея и руки. Саша дотронулась рукой до шеи. Пожалуй, вяловата... А руки? Она придирчиво осмотрела тыльные стороны ладоней. Вроде бы пока ничего, хотя синеватые жилочки уже несколько выступают и поверхность утратила былую мраморную гладкость. Но по сравнению со щекой это такие пустяки, о которых даже думать пока не стоит. Зато стоит купить крем для рук подороже. Хватит на себе экономить!

Саша запустила палец поглубже в крем и ощупала щеку. Отпечаток был на месте. Ноготь даже попал в рытвинку самого глубокого рубца. Ну и как идти в таком виде на работу? Она тяжело вздохнула, но в ванную прошла решительно и занялась там глазами, стараясь не опускаться взглядом ниже их.

Сегодня она наденет кремовый пушистый джемпер из ангоры, а потому макияж должен быть нежным. На веки она положила бледно-персиковые тени, ресницы подкрасила чуть-чуть, чтобы они не выступали из лица вульгарным черным забором. Получилось как раз то, что надо, и дольше тянуть было уже нельзя. Хочешь не хочешь, а пора переходить к щекам. Саша выудила из баночки розовый ватный шарик и стерла крем. Отпечаток как будто бы стал бледнее, но ненамного. Что ж! Придется на работе прикрывать щеку платочком, будто бы у нее болит зуб.

На обезображенное место Саша выдавила чуть ли не полтюбика тонального крема. Он так удачно заполнил емкости рубцов, что можно было смело переходить к губам. Саша вчера купила чудную помаду: благородная платина с оттенком чайной розы. Тон в тон к джемперу из ангоры. Ольга онемевает от зависти. Саша немного помучает подругу, а потом подарит ей точно

такой же тюбик, потому что Ольга плохо переносит, когда у нее нет чего-нибудь такого, что есть у Саши.

Волосами Саша решила не заморачиваться – все равно под шапкой любая прическа придет в полную негодность. Она быстро натянула вышеозначенный джемпер, узкую черную юбку с небольшим разрезом на боку, взглянула на часы и вылетела в прихожую.

Та-а-ак: сапоги, дубленка, шапка... Но что это? Саша в ужасе застыла перед зеркалом с новой норковой шапкой в руках. Тональный крем, сосредоточившись в рубцах отпечатка, образовал на ее щеке что-то вроде товарного знака, клейма или тавра. Какой ужас! Клейменная скотинка, выставочный образец, новая религиозная секта... Саша вытащила из сумки платок и вытерла щеку, еще раз с отвращением взглянула на себя в зеркало и вышла из квартиры.

До налоговой инспекции, где она работала, Саша всегда, в любую погоду, шла пешком, на что требовалось минут сорок. Пешком всегда и возвращалась. Этот моцион являлся насущной необходимостью, потому что работа была сидячая и движений Саше не хватало. Сегодня тем более не стоило пользоваться транспортом, чтобы не предъявлять кондуктору и пассажирам помятую щеку.

Утро было чудесным: морозным и звонким. Вчера, несмотря на декабрь, была настоящая оттепель, что, в общем-то, для Питера в порядке вещей, а сегодня ветки деревьев покрылись пушистыми кристалликами застывшей вчерашней влаги и под белым светом фонарей казались сделанными из елочной мишуры. Украшенные натеками празднично блестящей изморози дома сделались похожими на мятные пряники, облитые белой глазурью. Саша подумала, что скоро Новый год, и почему-то по-детски обрадовалась, хотя радоваться было абсолютно нечему. Даже самый захудалый Дед Морозишко не принесет ей никакого подарка.

Саша шла осторожно, потому что под снежной крошкой на тротуарах скрывался лед, и не сразу заметила, как из-за какого-то угла вынырнул мужчина и зашагал впереди нее. Впрочем, глагол «зашагал» к производимым мужчиной движениям не подходил. Он ступал, будто крался, – мягко, как кот или тигр, и при этом довольно быстро. Мужчина был высоким, длинноногим и очень гибким. Это сразу бросалось в глаза, несмотря на то, что одет он был в теплую зимнюю куртку, которая должна была бы скрадывать эту гибкость.

На голову мужчина надел черную фетровую кепку с опущенным на уши отворотом. Вообще-то подобное ношение кепки Саша не приветствовала. Для нее кепка, закрывающая уши, была чем-то сродни завязанной на бантик под подбородком шапке-ушанке. Но этому мужчине кепка с отворотом шла. Ему вообще все шло: и слегка вылезший из-за ворота темный шарф в редкую тонкую красную клетку, и болтающаяся на боку мягкая черная сумка, и поблескивающие брюки, тоже черные и, похоже, дорогие.

Саша решила, что мужчина должен быть очень молод, судя по стилю, гибкости и стремительности его утреннего полета. Ей хотелось бы увидеть его анфас, но для этого надо было бы бежать, скользя каблуками по заснеженному льду, а потом выскакивать из-за его спины и неприлично заглядывать в лицо. Впрочем, и заглядывать нечего. Ясно же: у него должен быть волевой подбородок, нос с легкой горбинкой, короткая стрижка черных волос и безжалостные глаза тигра со зрачком поперек. Это штучный товар. Эксклюзив. Такие мужчины очень дороги и знают себе цену. Саша зачем-то спешила вслед за эксклюзивом как привязанная и очень удивилась, когда он начал подниматься на крылечко их инспекции Федеральной налоговой службы. На какой-то миг перед ее глазами мелькнул его профиль, и она успела заметить, что тигр не так уж и юн.

Когда она вошла в коридор инспекции, никакого штучного мужчины там не было. Возле стены стояли два охранника, меняющиеся сменами, – обычные мужланы поточного способа производства для массового женского потребителя. А может, никакого тигра и не было? Фантом? Зимний мираж? Предновогодняя фантазия? Саша улыбнулась собственным мыслям и тут только вспомнила о клейме на своей щеке. Она бросилась к зеркалу гардероба и, придир-

чиво осмотрев лицо, освобожденно вздохнула. Сорока минут все-таки хватило, чтобы щека разгладилась и приобрела ровный с мороза розовый цвет.

Офис встретил ее казенным запахом бумаг и немых со вчерашнего вечера чашек с застывшей на доньшках кофейной гущей. Саша поспешила открыть форточку и встала под нее, жадно вдыхая арбузный аромат зимы, который в помещении ощущался гораздо отчетливей и был вкуснее, чем на улице.

– Вечно ты, Александра, вымораживаешь с утра помещение! – услышала она за спиной и торопливо захлопнула форточку.

С Марьяной Валерьевной Тереховой, начальницей Сашиного отдела учетности и анализа, с утра лучше не связываться, а то весь день пойдет наперекосяк. Проверено. Вообще-то Марьяна неплохая тетка, но по утрам у нее всегда плохое настроение. Сама она это объясняет тем, что, являясь стопроцентной совой, по дороге на работу еще не успевает как следует проснуться.

Саша сняла дубленку, повесила ее в шкаф, еще раз с удовольствием полюбовалась блестящими ворсинками новой норковой шапки, положила ее на полочку и подошла к зеркалу. Ну вот! Шапка, конечно, красивая, ничего не скажешь, но из-за нее у волос нет никакого вида, а ведь только вчера вымыла голову. Все эти мысли были действием сугубо ритуальным. Заговором от противного. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. У Саши были прекрасные волосы. Собственно, волосы – это лучшее, что имелось в ее арсенале. Волосы были густыми и тяжелыми. Им не требовались завивка или укладка. Сейчас из-под шапки они выползли спутанными тусклыми прядями, но стоит провести по ним щеткой, и они красиво улягутся на плечи, взяв в темную раму лицо.

Марьяна Валерьевна особенно ненавидит Сашины волосы, потому что сама располагает жалкими кудельками, которыми с трудом прикрывает розовую кожу черепа. Во всем остальном она не хуже Саши, а может быть, даже лучше. У нее современная спортивная фигура с широкими плечами и узкими бедрами и волевое лицо хозяйки жизни. У Марьяны всегда все хорошо получается, начиная с работы и заканчивая личной жизнью. Или наоборот – сначала у нее заладилась личная жизнь, а потом уже она пришла работать в налоговую инспекцию.

Марьяна Валерьевна Терехова была замужем за прекрасным человеком, который обожал ее и двух сыновей, Ванечку и Митю. Когда Марьяну особенно допекали Сашины волосы, она всегда вспоминала, что собственные начали у нее выпадать во время второй беременности, а до этого были еще лучше, чем у Саши, и что если бы Саша второй раз забеременела, то совершенно неизвестно, какие у нее были бы сейчас волосы. На эти ее инсинуации Саша старалась не реагировать, а тюкать на своем компьютере, потому что однажды она среагировала... Впрочем, об этом лучше не вспоминать.

Саша постаралась причесаться, не раздражая Марьяну Валерьевну, и сразу села за работу. Ей срочно надо добить отчет по начислениям и поступлениям денежных средств.

– Да оторвись ты, наконец, от компьютера, Сашка! – Миловидная женщина с длинными висячими серьгами потрясла ее за плечо.

– Отстань, Ольга! Мне надо доделать отчет, – Саша, даже не поворачивая головы, дернула плечом, за которое ее потрясли.

– Успеешь еще! А то за этим отчетом проворонишь главное событие сегодняшнего дня!

– Какое еще событие? – без всякого интереса спросила Саша, продолжая набирать текст проворными пальцами.

– Он пришел! – Ольга сказала это таким тоном, будто возвестила воспитанникам младшей группы детского сада о приходе Деда Мороза.

– Кто? – вяло откликнулась Саша, продолжая печатать.

– Да новый зам – вот кто!

– Ну и что?

– А то, что твой отчет может вообще не понадобится. Неужели не понятно? Новая метла по-новому метет.

– Мы замам не подчиняемся, нас курирует сама Волгина, ты же знаешь, – ответила подруге Саша.

– Ты что забыла? – возмутилась Ольга. Этого зама как раз и собирались взять, чтобы бросить на ваш отдел. У Волгиной и без вас забот – полон рот.

Саша сняла пальцы с клавиатуры и, крутанувшись на стуле, повернулась к подруге, так и держа перед собой растопыренные руки, как хирург, которому медсестра перед операцией должна натянуть стерильные перчатки.

– Ну... без отчета же все равно нельзя... – растерянно пробормотала она.

– Конечно, нельзя. Но вдруг он потребует его в какой-нибудь другой форме? Говорят, из Москвы новую программу прислали. Зачем сорок раз переделывать одно и то же... – Последнее слова Ольга договаривала уже по инерции, без всякого интереса, потому что заметила новую Сашину помаду. Она приблизила свое лицо к лицу подруги, еще раз придирчиво рассмотрела ее платиновые губы, нашла их превосходными и, не имея сил скрыть зависть, очень грустно спросила: – Откуда такая красотища? Где купила?

– В «Пассаже», – ответила Саша и улыбнулась. Именно на такую реакцию она и рассчитывала.

– Надо же! И ведь как раз к моему летнему костюму... Тому, палевому... ну... желтоватому... с вышитыми цветами... Сколько она стоит? Хотя... такую помаду наверняка уже всю разобрали...

– Тебе как раз хватило! Я тебе тоже купила! – Саша вытащила из сумочки серебристый тюбик и протянула Ольге. – Бери!

– Сашка! Да ты просто... – Ольга от избытка чувств собиралась броситься подруге на шею, но Марьяна Валерьевна бесцеремонно прервала мало интересный для нее разговор подруг:

– Ольга, а вы его уже видели?

– Нет, но говорят, после обеда он пойдет знакомиться с сотрудниками. – Ольга посмотрела на часы. – То есть, девоньки, ровно через полтора часа. Готовьтесь! Секретутка сказала – красавец мужчина! Высокий, стройный и гибкий, как латинос, танцующий ламбаду, а лицом – прямо Голливуд отдыхает!

Сашу будто толкнули в грудь. Неужели... утренний мужчина не мираж? Он их новый начальник? Секретарше Аняте он показался красавцем и даже латиносом. Хотя на безрыбье ей что угодно могло показаться... В налоговой инспекции работали одни женщины, если не считать бесконечно сменяющих друг друга охранников в однообразно-унылой синей форме, с какими-то стертыми лицами и до безобразия ленивыми движениями. Охранники сидели в застекленной кабинке у входных дверей, вылезая из нее только для перекура, и напоминали Саше замерзших синих раков.

Конечно, ежедневно в коридорах инспекции толклись мужчины из числа налогоплательщиков, но, что касается корпоративных вечеринок, то на них дамам налоговой приходилось тащить свои самовары и зорко следить, чтобы какая-нибудь из сослуживиц не пристроилась к ним попить чайку. Поскольку вечеринки, как тому и положено быть, сопровождались употреблением горячительных напитков, то к чужим мужьям пристраивались не только незамужние инспекторши, но и те, которым свои собственные надоели уже до тошнотворного состояния.

Как правило, после совместной встречи Нового года или празднования Международного женского дня 8-е Марта между сослуживицами происходило несколько крутых разборок вплоть до попыток повыцарапать глазенки и повыдрать волосенки. Некоторое количество

сотрудниц инспекции поссорились насмерть, а одна – даже уволилась из налоговой и вышла замуж за отбитого на одном из таких банкетов чужого мужа.

Саша на подобные вечеринки ходила редко. Ей было скучно несколько часов подряд есть, пить и вести светские разговоры ни о чем. Она не любила застольных песен, типа: «Зацвела за окошком белоснежная вишня...», терпеть не могла салаты «Оливье» и с крабовыми палочками, презирала танцы под кабацкие мотивы и не нуждалась во внимании чужих мужей. Ей одного своего собственного хватило за глаза и за уши.

Вообще-то она уже не была замужем. Они развелись с Юрием пять лет назад, когда сыну Сереже было семь лет. Развод был кровавым. Юрий разводиться категорически не желал, потому что утверждал, что любит Сашу. Если он ее и любил, то, как говорится, «по-своему». И очень даже по-своему.

Юрий был патологически ревнив. Саша не имела права задержаться дольше отпущенных ей пятнадцати минут нигде: ни на работе, ни в магазине, ни у подруг, ни у матери, ни у врача. Как только истекало контрольное время, муж начинал звонить всем, чьи телефоны знал. Даже если Саша была у врача и он собственными глазами видел талон к нему, Юрий все равно принимался названивать матери и всем подругам, докучая им одним и тем же вопросом: не знают ли они, где может проводить время его жена. Все уже поняли, что пытаться как-то выручить Сашу – себе и ей дороже, и Юрию говорили только правду. Но ему все равно казалось, что все круговым заговором покрывают его жену, которая под предлогом посещения зубного врача или, что еще подозрительнее, гинеколога развлекается у кого-нибудь на квартире с любовником.

Он встречал опоздавшую в коридоре тяжелым взглядом карих глаз и постоянным приветствием: «Ну, как он? Крутой самец?» После того как на свое возмущенное: «С ума сошел? Я была у врача!» – она несколько раз получила по звонкой пощечине, Саша научилась сдерживать свои эмоции и помалкивать, пока муж не успокоится. Ее молчание его тоже раздражало, но злило меньше, потому что давало возможность выговориться, и в этих разговорах он постепенно терял весь свой пыл и вдохновение.

Бурный всплеск эмоций Юрия заканчивался обычно покаянным «прости», очередным объяснением в пламенной любви и грубым насилием в постели, когда Саша, закусив губу, думала только о том, что если бы в такой момент у нее в руках случайно оказался нож, то она воткнула бы его мужу в грудь с таким же сладострастием, с каким он терзал ее тело. Ко всему этому стоит добавить еще и то, что фамилия Юрия была Арбенин. Саша несколько раз предлагала ему перечитать «Маскарад» или хотя бы вспомнить, как плохо кончили лермонтовский Арбенин и его жена Нина, но муж с раздражением отмахивался и говорил, что этот бестселлер девятнадцатого века уже давно и безнадежно устарел.

Свою отвратительную семейную жизнь Саша влачила из-за Сережи, который любил отца, но после первой же пощечины заговорила о разводе. Юрий ползал перед ней на коленях, истово просил прощения и буквально лобызал ступни. Она простила, получив за это в подарок бриллиантовые сережки и такой жесткий секс, что готова была засунуть ему эти серьги в мокрый рот, который высасывал из ее тела жизнь. Когда она пыталась намекнуть мужу, что его ласки отдают садизмом, он обижался и называл ее фригидной женщиной, которая ничего не понимает в интимных отношениях.

После второй пощечины муж свозил Сашу в Ялту, на море. В душном номере пансионата Юрий насиловал ее по несколько раз в день в комнате, в душевой и, что особенно ему нравилось, на лоджии, чуть ли не на виду у отдыхающих. Саша еле вытерпела отведенные путевкой пятнадцать дней, потому что кроме ожесточенного секса ей приходилось выдерживать нападки мужа, продолжавшего бурно ревновать ее ко всем отдыхающим Ялты.

После третьей пощечины Саша подала на развод. Юрий чуть не плакал, терзая ее любовными признаниями и разговорами о Сереже, который останется без отца. Саша и сама мучи-

лась тем, что семилетнему ребенку невозможно объяснить, почему разводятся папа и мама, которых он одинаково любил. Кроме того, во всех остальных отношениях Юрий был очень неплохим человеком. Подруга Ольга стыдила Сашу и призывала одуматься, потому что такого мужика, как Юрий, сразу подберут, а она, Саша, потом будет только локти кусать.

– Я не хочу, чтобы мой собственный муж меня насиловал, как сексуальный маньяк в лифте, – говорила Саша подруге. – Неужели это трудно понять?

– Трудно! – отвечала Ольга. – Я, например, была бы не против, чтобы мой Кирюха меня насиловал. Если бы ты только знала, как мне надоело это его сюсюканье: «Олюшка, тебе хорошо? Олюшка, тебе не больно? Олюшка, а ты не могла бы...» Противно! Мужик должен быть мужиком! Я хочу стонать под его ласками, а только и делаю, что отвечаю: «Мне хорошо, мне замечательно, я на седьмом небе от восторга, у меня ничего не болит, и я даже могу перевернуться, если тебе так хочется!» Настоящий мужчина должен сжимать меня в объятиях и бросать на постель, как измятый цветок, а не...

– Дура ты, Ольга... – Саша всегда прерывала подругу на этом месте. – Если хочешь, можешь соблазнить Юрку на пробу и проверить на себе, каково это – быть измятым цветком.

– А я бы и согласилась, – смеялась Ольга. – Только он на других женщин вообще не смотрит, что также говорит в его пользу. Любит он тебя.

– Я очень долго тоже верила в это, потому и на развод не подавала.

– Неужели ты будешь утверждать, что твой муж тебя не любит?

– Он маньяк, Оля. Настоящий сексуальный маньяк.

– Маньяки – они по подворотням шастают или, как ты уже упомянула, в лифтах производят свои развратные действия. И, заметь, с разными особами! К тому же они все, как правило, получили в детстве или юности психическую травму, которую им нанесла женщина, за что женщинам и мстят.

– Я думаю, что маньяки могут быть самых разных видов, и... откуда мне знать, может, какая-нибудь подобная травма у Арбенина была. Не станет же он про такое рассказывать жене!

– Ну, не знаю! Мне кажется, что Кирюха мне все говорит. Вот я не хочу что-то про него знать, а он все равно рассказывает и рассказывает. Ну скажи, для чего мне знать, как у него первый раз все неудачно получилось с какой-то там однокурсницей? Какое мне до этого дело! Лучше бы врал про половой гигантизм, честное слово!

– Твой Кирилл очень хороший, мягкий человек. Я его обожаю! – Саша очень хорошо знала, как прекратить подобные разговоры.

– Но-но! Даже и не смей мечтать! – смеялась Ольга. – Хоть он мне и поднадоел со своими «сю-сю-сю», но если от них абстрагироваться, то в остальном он мне, пожалуй, подходит.

На самом деле Саша не могла представить, как интимные отношения могут доставлять удовольствие даже с таким милым человеком, как Кирилл. Хочешь не хочешь, всегда наступает момент, когда мужчина за себя практически не отвечает. Юрий так и вообще контролировать себя не мог.

Освободившись от мужа, Саша на мужчин вообще больше никогда не смотрела. Они ее больше не интересовали. Эта глава ее жизни прочитана, последняя страница перевернута, и она не собирается перечитывать ее заново или читать дальше о мужчинах и связанном с ними сексе.

За пять лет, прошедшие с развода, новый зам с мягкой тигриной походкой был первым, на кого она загляделась. Да и то со стороны спины. Неужели мужчины с такими вкрадчивыми плавными движениями тоже резки и жестоки в постели? Саша ужаснулась собственным мыслям и углубилась в работу, потому что Ольгу уже кликнули на рабочее место. «Все-таки, – решила Саша, – она доделает отчет. Пусть новый зам посмотрит, как они привыкли подводить годовые итоги». Поправить готовое, если ему что-то не понравится, всегда быстрее, чем печатать все заново.

Начальница инспекции, Ирина Федоровна Волгина, привела своего нового зама гораздо раньше, чем обещала Ольга, то есть до обеда.

– Знакомьтесь, голубушки, – пропела Ирина Федоровна, – перед вами новый заместитель, который будет курировать именно ваш отдел. – Его зовут Владимир Викторович Халаимов.

Дописывая начатое слово, Саша представила себе, как обернется и увидит волевое лицо мужчины-тигра с холодными желтыми глазами, хищным носом и волевыми складками, спускающимися от трепещущих крыльев носа ко рту с узкими бледными губами. Ей, работающей среди женщин, хотелось отдыхать взглядом на мужественном лице. Да-да, только отдыхать взглядом. Ничего другое ее не интересовало. А так, вообще, знает она эту мужественность...

Новый зам настолько не соответствовал Сашиним представлениям, что она невольно отшатнулась, будто увидела жуткого уродца. На самом деле мужчина уродцем не являлся. Мало того: он был красив. Но не звериной красотой жесткого самоуверенного самца, а теплой, русской, прямо-таки сказочной.

Его лицо оказалось таким же мягким, как и походка. Все черты были плавно закруглены, разглажены и как бы выставлены напоказ. Широко распахнутые глаза были серыми с голубизной. Если бы Халаимов надел голубую рубашку, то они наверняка сделались бы небесного цвета. Никаких волевых складок: ни между бровей, ни у рта. Полные, красиво очерченные розовые губы. Гладкие щеки, без синевы сбритой щетины, поскольку Халаимов не был брюнетом. Владимир Викторович имел светло-пшеничные волосы, стриженные не коротко, а таким образом, что прическа делала его похожим на возмужавшего Ивана-царевича или, может быть, на пушкинского царя Салтана. Возраст Халаимова Саша определить не смогла. Ему с одинаковым успехом могло быть и тридцать лет, и все пятьдесят.

Владимир Викторович Халаимов улыбнулся. Лучше бы он не улыбался, потому что Саша почувствовала, как у всех женщин их отдела зашлись сердца. Это не была улыбка начальника. Это была улыбка Алеши Карамазова – светлая, трогательная, смущенная. Пожалуй, вместо дорогого костюма ему больше подошла бы ряса священнослужителя, вместо ноутбука и факса – крест и святое писание, а вместо налоговых деклараций – индульгенции в свитках. Да и губам, кажущимся непорочными, пожалуй, пристало произносить молитвы, а не отдавать руководящие указания.

Начальница представляла Халаимову сотрудниц отдела по очереди, давая каждой краткую положительную характеристику. Саша видела, что Марьяна впала в состояние совершеннейшей растерянности, чего никогда раньше за ней не замечалось. Энергичная и собранная, она никогда не расплзлась в такую аморфную массу, которая вдруг предстала перед новым начальником.

– Марьяна Валерьевна Терехова, начальник отдела учетности и анализа, – представила ее Ирина Федоровна. – Отдел Марьяны Валерьевны осуществляет контроль работы всей нашей налоговой службы в целом. Сюда стекаются данные о всех начислениях: и по выездной проверке, и по камеральной. В общем, они обобщают весь наш технологический процесс. И именно эту работу вы, Владимир Викторович, и будете контролировать.

Лица Халаимова Саша не видела, поскольку он стоял к ней спиной, но Марьяна свое лицо утратила напрочь. Она страшно покраснела, верхняя губа у нее задергалась, как бывало обычно в минуты гнева, а руки поползли вверх, якобы поправлять прическу. Саша понимала, что таким образом она пыталась скрыть от нового мужчины жалкую серую поросль на голове.

Новый начальник что-то сказал Марьяне, но она ответила тихо и, видимо, невпопад, потому что Ирина Федоровна вынуждена была ее прикрыть:

– Ну... это Марьяна Валерьевна что-то засмущалась, а на самом деле она прекрасно разбирается в данном вопросе.

Владимир Викторович кивнул, развернулся к коллективу и опять улыбнулся. И опять у всех женщин отдела учетности и анализа одинаково затрепетало в груди. Может быть, это затрепетали сердца, а может быть, какие-то особые органы, о наличии которых у себя они и не подозревали до прихода в инспекцию Халаимова.

Каждой женщине показалось, что он по-особенному улыбнулся ей одной, а остальным так, только из вежливости. Каждая сравнила его со своим мужем, и все мужья до единого сразу проиграли. Более того, стало ясно: все они заполучат нынче ночью в свои постели жен, которые в пиковый интимный момент будут представлять, что предаются любви вовсе не с опостылевшим мужем, а с заместителем начальницы налоговой инспекции.

Саша, как и все остальные женщины, тоже представила себя в постели с новым замом. Неужели даже этот человек с округлыми чертами и кошачьими движениями в интимные минуты превращается в жестокого резкого самца? А, собственно, почему бы нет? Ее муж Юрий внешне тоже ничем не напоминал полового садиста... Именно на этом месте Сашины размышлений начальство подошло к ней.

– А это Александра Сергеевна Арбенина, – представила ее Волгина.

– Арбенина? – переспросил Владимир Викторович, улыбнувшись еще шире и обворожительней. – «Маскарад»?

– И не говорите, сплошной «Маскарад», – ответно и несколько вымученно улыбнулась Саша.

Новый начальник так понимающе посмотрел на нее, что Саше показалось, будто между ними протянулась невидимая нить взаимопонимания. Она почувствовала, как на виске вдруг нервно запульсировала жилка. К чему бы это? Неужели в ней все-таки жива надежда на то, что не все мужчины такие, как ее бывший муж? Неужели она, битая-перебитая жизнью и изнасилованная мужчиной разными садистскими способами, еще на что-то рассчитывает?

– Надеюсь, вы не имеете в виду работу? – спросил Халаимов.

Саша не успела ему ответить, потому что начальница уже представляла ему третью сотрудницу их отдела – молоденькую и очень хорошенькую татарочку Эльмиру. Смуглое Эльмирино личико от смущения немедленно приобрело оттенок красно-оранжевых китайских мандаринов.

Саша не пожелала смотреть, как Владимир Викторович будет реагировать на знойную Эльмирину красоту, и отвернулась к компьютеру. Ей хотелось сохранить в памяти тот особый взгляд и ту особенную улыбку, которыми одарил ее новый зам. На его правой руке не было обручального кольца. Конечно, это обстоятельство еще ни о чем не говорило, но все-таки Саше было приятно.

– Д-а-а... Ольга была права-а-а... настоящий Голливу-у-уд... – протянула после ухода начальства Тамара Ивановна Михайлова, старший налоговый инспектор и мать троих детей. – Хоть в кино снимай. Правда, Марьяна Валерьевна?

Марьяна почему-то не ответила, и Тамара Ивановна несколько переиначила вопрос:

– Как вам все-таки новый зам, Марьяна Валерьевна?

– Ничего, – индифферентно ответила Терехова, и Саше это почему-то показалось подозрительным. Она отвернула голову от своего отчета и посмотрела на Марьяну. Лицо той пылало похлеще китайских мандаринов.

Халаимов произвел на нее неизгладимое впечатление, поняла Саша. До этого додумалась и Тамара Ивановна. Но, разумеется, она не стала демонстрировать начальству свою прозорливость и поспешила обернуться к Эльмире. Эльмира тоже была потрясена красотой нового зама до глубины души и никак не могла оторвать взгляда от двери, за которой он только что скрылся.

– Никак влюбилась с первого взгляда? – расхохоталась Тамара Ивановна своим громким дробным смехом, от которого все в отделе всегда вздрагивали и к которому за много лет совместной работы так и не могли привыкнуть.

– Вы, Тamarочка Ивановна, грохочете вечно, как ударная установка, – недовольно проворчала Эльмира, а потом с удовольствием потянулась и ответила вместо Марьяны: – В такого красавца грех не влюбиться! Он на меня та-а-ак посмотрее-е-ел! Прямо не могу-у-у... У меня прямо все внутри съежилось!

– На чужой каравай, подруга, свой жалкий ротишко не разевай! – посоветовала ей Тамара Ивановна. – Не про твою честь мужчинка!

– Это еще почему? – возмутилась Эльмира.

– Девчонка ты еще совсем! А новый зам – мужчина солидный, сразу видно.

– С чего это видно? Вот как вы думаете, сколько ему лет?

– Ну... думаю, лет сорок, – предположила Тамара Ивановна.

– А я так думаю, что тридцать, – заявила Эльмира. – Может, конечно, с маленьким хвостиком. А это мне в самый раз!

– Перебьешься, вертишейка!

– Почему это я должна перебиваться? Мне уже двадцать шесть. Самый смак! Я не замужем, и, в отличие от всех вас, семеро по лавкам меня дома не ждут.

– Зато он наверняка женат, и его дома, может, и не семеро, но сколько-нибудь по лавкам да ждут.

– Да ну-у-у... Такие мужчины не бывают многодетными. Ну... один-два ребенка – не больше!

– Что ты задумала, мусульманское отродье? – опять загрохотала Тамара Ивановна. – Вы посмотрите на нее! Вместо того чтобы паранджой прикрыться и помалкивать, она на наших мужиков зарится, и даже дети ее не смущают!

– А представляете, какие у нас с ним детишки могут получиться! – тоненько засмеялась в ответ Эльмира. – Один черненький, как я, другой – беленький, как Владимир Викторович!

Тамара Ивановна с Эльмирой еще долго смеялись, незлобиво перебранивались. Они обсудили новое начальство не только с ног до головы, но даже представили, как он может выглядеть без элегантного костюма. Саша бросала косые взгляды на Марьяну Валерьевну. Та, естественно, не участвовала в разговоре сослуживиц, но, что уже не так естественно, не прерывала его, хотя очень не любила, когда женщины, как она говорила, трепали языками. Марьяна Валерьевна сидела, уставившись в экран монитора и методично ударяла двумя пальцами обеих рук по одним и тем же клавишам. А поскольку ее монитор был развернут так, что Саша могла его видеть, она и увидела, как по белому полю документа бегут строчки, состоящие всего из букв: сбсбсбсбсбсбс...

– Слушай, Сашка! Новый зам – такая душка! – щебетала Ольга, когда они с Сашей отправились в обеденный перерыв в соседнее кафе «Восторг».

Честно говоря, этот «Восторг» был весьма жалкой забегаловкой, которая расположилась в бывшем помещении магазина скобяных товаров и паразитировала на телах и здоровье служащих налоговой инспекции. Рядом с инспекцией больше не было ни одного заведения общепита, поэтому инспекторши вынуждены были без всякого восторга посещать этот «Восторг». Они, правда, дружно и не сговариваясь игнорировали красочный плакат, предлагавший бизнес-ленч «всего за девяносто пять рублей», и брали в кафе только салаты и выпечку с кофе.

На губах Ольги уже сверкала платиной новая помада, которая, как поняла Саша, явно не сумеет дожить до летних времен и палевого костюма с вышивкой. Ольга с удовольствием оглядела себя в зеркале, поправила ноготком и без того безупречную линию помады на нижней губе и продолжила свой щебет:

– Наши все выпали в осадок. Я и сама-то почти что выпала... Красавец! Князь Игорь!

– Почему князь Игорь? – спросила Саша.

– Ну... не знаю, почему... так... как в опере... Можно и князем Владимиром назвать. Очень русская у него красота. Без всякой примеси. Князь Владимир – Ясно Солнышко!

Саше не хотелось признаваться, что Халаимов на нее тоже произвел очень большое впечатление, и она перебила Ольгу:

– Нашла тоже Солнышко! С такой фамилией он вряд ли чистокровный русский.

– Да какая разница, какая у него фамилия! Русский – не русский... Все равно суперстар! Неужели будешь утверждать, что тебе он не понравился?

– Не буду, – ответила Саша. – Он действительно интересный мужчина. Но не про нашу честь.

– Почему не про нашу? – беспечно спросила Ольга, выбирая себе тарелки с горкой салата повыше и с пирожным покрупнее.

– Потому что у тебя есть Кирюха, а я для такого супермена рылом не вышла, – ответила Саша и понесла свои тарелки к столу.

– Не скажи, – Ольга шлепнулась на стул и вилкой показала на Сашины волосы. – Твоим волосам вся налоговая завидует.

– Волосы в женщине не главное, – ответила Саша и вспомнила, как Марьяна Валерьевна прикрывала обеими ладонями свою редкую поросль. – Надо, чтобы еще и лицо... Да и все остальное тоже...

– У тебя и лицо вполне приличное, и фигура нормальная. Слушай, Сашка, а может, ты поморгаешь ему, а?

– Зачем?

– Затем! Что ты все одна да одна...

– Он наверняка женат.

– Ну и что? Сегодня женат, а завтра, глядишь, и...

– Что ты говоришь, Ольга! – возмутилась Саша. – Представь, что где-нибудь вот так же обсуждают твоего Кирилла!

Ольга чуть не подавилась пирожным, которое почти наполовину засунула в рот, закусывая им, как хлебом, салат из свеклы с яйцом. Она постаралась прожевать как можно быстрее, чтобы сказать:

– Мой Кирилл, во-первых, не такой супермен, как этот, а во-вторых, ему никто, кроме меня, не нужен, так что я могу быть за него совершенно спокойна. Но ты все-таки обдумай мое предложение, а я со своей стороны обещаю тебе всяческое содействие.

– Например?

– Ну... еще пока не знаю какое, но как только понадобится – я к твоим услугам. Поговорить с ним, например, намекнуть... или вызвать куда-нибудь для переговоров... В общем, Александра, ты всегда можешь на меня рассчитывать.

Всю вторую половину дня Саша доделывала отчет, потому что Марьяна Валерьевна сказала, что завтра понесет его на ознакомление новому заму. То, что она помянула Владимира Викторовича, Саше очень мешало. Она стала бояться, что напишет какую-нибудь глупость и будет бледно выглядеть перед этим красивым мужчиной. Она три раза переделывала две последние страницы отчета и аналитическую записку к нему, потому что, перечитывая, находила все новые и новые нелепые ошибки. Это ее испугало не на шутку, ведь обычно она была очень внимательна и ошибок в работе никогда не допускала. Терехова в последнее время даже перестала проверять ее отчеты, так как они всегда оказывались безупречными и начальнице стало жаль зря тратить на них время.

После окончания рабочего дня Саша выходила из инспекции вместе с Ольгой. На крыльце мимо них проскользнул Халаимов, одарив обеих прощальной улыбкой, и пошел вдоль домов в ту сторону, где не было транспортных остановок.

– Нет, ты только посмотри, что у него за походка! Прямо снежный барс! Ирбис! – воскликнула Ольга, а потом заодно и удивилась: – Странно, неужели у него нет машины? Такие люди в трамваях не ездят.

– Видишь же, что он пошел пешком. Может быть, рядом живет, – предположила Саша.

– Слушай, он пошел в твою сторону! – обрадовалась Ольга. – Может, догонишь?

– Зачем?

– Завяжешь легкий треп, мол, нам по пути и все такое...

– Отстань, Ольга, – нахмурилась Саша.

– Отстану, конечно, – заверила ее подруга, – потому что, видишь, мой автобус катит! А завтра начну сначала! Готовься!

Последние слова Ольга крикнула уже из дверей автобуса, в который проворно впрыгнула чуть ли не на ходу. Саша улыбнулась ей на прощание и пошла к дому по давно проторенному маршруту: дворами и переулками. Халаимова впереди уже видно не было, да и вряд ли он ходит теми же подворотнями, что и Саша. Она, кстати, так и не смогла вспомнить, откуда, из-за какого угла, он вынырнул утром.

Она зашла в универсам, находящийся недалеко от ее дома, чтобы что-нибудь купить себе на ужин. Первым делом положила в корзинку пирог с абрикосовой начинкой, который уже как-то брала и с большим удовольствием съела чуть ли не весь сразу. Рядом на полке увидела точно такой же, но с голубикой. Может, взять и этот? В таких упаковках они долго могут храниться. Или вот этот? Яблоки с корицей... Тоже, наверное вкусно...

– Я смотрю, у вас в семье – сплошные сладкоежки! – услышала она рядом веселый голос.

С двумя коробками в руках и одной – в корзинке Саша повернулась на голос и увидела Владимира Викторовича Халаимова, нового зама Волгиной. Отворот его кепки был загнут на место, и волосы красиво золотились между черным фетром головного убора и темно-синей тканью куртки. Глаза при ярком магазинном освещении казались не голубоватыми, а темно-серыми и лукавыми. Халаимов по-доброму улыбался, держа в руках две винные бутылки.

– А у вас, судя по... – Саша подбородком показала на бутылки, но не договорила, потому что новый зам засмеялся, и ей тоже пришлось улыбнуться.

– Нет, это не домой. В подарок. У моего друга сегодня день рождения. Ему нравится коньяк «Медный всадник», а вино «Саперави» – для его жены. Она обожает грузинские вина.

– Оправдывайтесь, оправдывайтесь... – все так же улыбаясь, проговорила Саша, а потом добавила: – А я вот оправдываться не буду, потому что съем все сама! – и положила в корзинку и «голубику», и «яблоки с корицей».

– Что ж, вам можно, – ответил Халаимов, вставая за ней в небольшую очередь в кассу. – У вас прекрасная фигура.

Саша почувствовала, что краснеет. Она стояла к Халаимову как раз той щекой, которая утром была помята, и ей почему-то казалось, что тавро с пуговицей от наволочки опять проступило. Она с ужасом схватила за щеку рукой.

– У вас и руки очень красивые, – склоняясь к самому ее уху, проговорил новый начальник. – На запястье только не хватает браслета... Нины Арбениной.

Саша вскинула на него встревоженные глаза. Что он такое говорит? Зачем?

– С вас сто тридцать пять рублей за три пирога, – сказала кассирша, что дало возможность Саше отвлечься от Халаимова и его странных слов.

Она заплатила деньги. Ей хотелось бежать от нового зама со всех ног, но пока она трясущимися руками тщетно пыталась засунуть в пакет коробки, он тоже успел рассчитаться на кассе.

– Давайте помогу, – предложил Владимир Викторович, поставив свои бутылки на столик с корзинками, и без церемоний вырвал у нее пакет.

Саша, все так же путаясь в своих собственных руках и коробках, с трудом упаковала пироги.

– Спасибо, – сказала она и зачем-то добавила: – А браслеты иногда расстегиваются и теряются, что приносит их владельцам несчастье.

– Существуют браслеты без застежки, – многозначительно проговорил Халаимов, и Саша совершенно растерялась.

Зачем он ей все это говорит? Почему так странно смотрит? Видимо, у него в арсенале несколько взглядов. Один, карамазовский, – для женского коллектива в целом, другой, тот которым он сейчас смотрит на нее, – влекущий, соблазняющий и отнюдь не невинный. Лицемер... Совратит и никакой индульгенции не выдаст. И что ему от нее нужно? Саша нервно дернулась, нелепо пожала плечами и сказала:

– Ну... Я пойду. До свидания, – и поскорее повернулась к нему спиной, в которую тут же ударило его утверждение:

– Меня тремя пирогами не обмануть. Вы ведь не замужем!

Она медленно развернулась и с вызовом спросила:

– И что?

– Хотите пойти со мной на день рождения? – Халаимов спрашивал так, будто был полностью уверен в ее положительном ответе.

Саша чувствовала, что готова пойти с ним куда угодно, но односложно ответила:

– Нет.

– Почему? – искренне удивился он. Видимо, женщины ему никогда не отказывали или, во всяком случае, очень редко.

– Я вас не знаю, – ответила Саша. – Вижу первый раз в жизни.

– Четвертый, – рассмеялся Халаимов, и лицо его опять приобрело выражение добрейшего Ивана-царевича.

– Как это четвертый?

– Так это! Второй раз – в вашем отделе, третий раз – вечером на крыльце инспекции, четвертый – сейчас.

– А первый? – испуганно спросила Саша.

– А первый – утром. Вы же позади меня шли на работу. Разве не так?

– А у вас разве глаза на затылке?

– Я видел вас, когда поднимался на крыльцо. И не буду скрывать, вы мне сразу понравились. Честно говоря, я хотел вам сказать об этом завтра, когда приглашу на переговоры по отчету, но раз уж так получилось, то почему бы не сказать сегодня? Так как?

– Что как?

– Пойдете со мной на день рождения?

– Нет.

– Но почему? – еще искренней удивился Халаимов. Он явно не понимал, что могло удерживать ее теперь, когда он сказал, что она ему нравится.

– Потому что, несмотря на наши «многочисленные встречи», я все-таки вас совершенно не знаю.

– И чего вы боитесь?

– Ничего, кроме неловкости. Я не люблю быть на людях и чувствовать себя не в своей тарелке.

– Какую ерунду вы говорите, Сашенька!

– Разве? Вот вы меня называли Сашенькой. А мне вас как называть? Неужели Володечкой? Или лучше Вовочкой? Как вы привыкли?

Халаимов опять заливисто рассмеялся. Она невольно улыбнулась тоже.

– Нет, вы не зря мне понравились с первого взгляда, – отсмеявшись, сказал Халаимов. – Зовите Володей, если вам не трудно.

– Мне трудно! – уже довольно сердито ответила Саша и развернулась к выходу из магазина.

Он грубовато задержал ее за руку и уже без всякого смеха спросил:

– А хотите, я не пойду на день рождения?

– Можете и не ходить. Мне-то что за дело? – Саша вырвалась и стремительно пошла к выходу. Сердце ее тревожно билось и совершало какие-то невозможные взлеты и падения внутри ее тела. Она чувствовала, что очень хочет, чтобы он не пошел на день рождения. Она хочет, чтобы он смотрел на нее своим манящим взглядом и цепко держал за руку.

Он догнал ее на крыльце универсама, развернул к себе за плечо и совсем другим тоном, ласково-обволакивающим и слегка заискивающим, попросил:

– А пригласите меня к себе на пироги... Вон у вас сколько. Вам одной не съесть...

Саша растерялась. Не слишком ли быстро развиваются события? Всего восемь рабочих часов прошло с того момента, когда она впервые увидела этого мужчину и пожелала его, и вот ее желания уже начинают исполняться. Не странно ли это? И как ей к этому относиться?

Она отвернулась от него и медленно пошла по направлению к дому, молча и не оглядываясь.

– Означает ли это, что я приглашен? – спросил Халаимов, который тут же ее догнал и мягко, пружинисто зашагал рядом, не отставая ни на шаг.

Саша по-прежнему молчала. Она боялась его прогнать. Она боялась его не прогонять. Она боялась сказать что-нибудь не то. Она боялась молчать. Ей мешали проклятые коробки с пирогами, которые своими острыми углами уже прорвали пакет и грозились сделать то же самое с ее колготками.

Халаимов, будто почувствовав ее опасения, взял у нее из рук пакет. От его руки к Сашиной пробежала электрическая искра и насквозь пробила ее. Саша вздрогнула, посмотрела на нового зама и поняла, что теперь уже не прогонит. Может быть, это судьба? Или всего лишь одно ее мгновение, то самое, которое просят остановиться, ибо оно прекрасно? Будь потом что будет, но она, Саша, сегодняшним вечером будет рядом с самым красивым мужчиной из тех, которые ей только встречались в жизни. Она потом выкупит у Владимира Викторовича ту самую индульгенцию, которая виделась ей в его руках при знакомстве в инспекции.

Они молчали всю дорогу до Сашиной квартиры. Открыв дверь ключом, она еще раз заглянула в его глаза, поняла, что готова ради них на все, и прошла в коридор. Вошедший следом Халаимов повесил на ручку двери пакет, помог снять верхнюю одежду Саше, потом скинул свои куртку с кепкой и тут же, в коридоре, заключил ее в объятия.

Саша хотела воспротивиться, но он закрыл ей рот своими красивыми губами, и она задохнулась от неожиданности и того трепетного чувства, которое считала давно утраченным и не поддающимся восстановлению. Он покрывал поцелуями ее лицо, волосы, шею, а руки уже забирались под джемпер из ангоры.

Саша напряглась, ожидая, что Владимир Викторович сейчас грубо стащит с нее одежду и начнет насиловать прямо на полу в прихожей, как иногда любил делать Арбенин, которого очень возбуждала нестандартность обстановки. Но Халаимов, ласково проведя прохладными пальцами по ее груди, вдруг подхватил ее на руки и понес в комнату. Он покружил Сашу по квартире и не нашел, куда ее можно возложить, потому что оба имеющиеся в наличии дивана были собраны и не располагали к занятиям любовью.

Тогда он, не спуская ее с рук, выбросил вперед длинную гибкую ногу и носком выдвинул вперед диван. Не привыкшая к подобному обращению мебелина издала протяжный стон, и Халаимов опустил Сашу на слегка сбившееся покрывало. Она сама сдернула джемпер. Он раз-

девался рядом. Они смотрели друг другу в глаза. За джемпер – пиджак, за белую футболочку – рубашку в тонкую клетку, за юбку – брюки, за бюстгальтер... Ему нечего было сбросить взамен, и он припал губами к ее обнажившейся груди.

Саша зажмурилась и сжала губы в ожидании боли и приступа отвращения. Она уже не понимала, зачем решила на этот шаг. Что за первобытное желание в ней разыграло? Неужели на нее так завораживающе подействовала красота лица и необыкновенная мягкость и грациозность движений нового зама? Неужели красивые люди всегда все получают по первому требованию?

В отличие от Юрия, Владимир Викторович был терпелив и нежен. И вдобавок никуда не спешил. Привыкшая к бешеному штурму и натиску, Саша не понимала, что происходит. Ей казалось, что он нарочно медлит, чтобы ее помучить. Он специально целует и ласкает ее грудь, гладит ее своими шелковыми пальцами, чтобы потом неожиданно вгрызться в нее и одновременно взрезать тело снизу до жгучих искр из глаз. Халаимов, удобно устроившись у нее на груди, почему-то не спешил этого делать.

Саша замерла в ожидании ужаса, который должен вот-вот ее накрыть и которым она должна заплатить за то, что пожелала мужчине. Владимир Викторович наконец спустился ниже. Саша закусила губу. Сейчас ей будет больно. Надо перетерпеть. Но, наверное, не стоит ему показывать, что она не умеет наслаждаться сексом. Пусть он думает, что ей приятно.

Она соорудила на лице выражение, которое видела у женщин в подобной ситуации в сериалах, и вдруг... поняла, что это мускульное состояние как нельзя лучше соответствует выражению ее собственных эмоций на настоящий момент. Она почувствовала, что ей действительно приятно. Более чем приятно. В ее словаре не было слов, чтобы описать свои новые ощущения.

Неожиданно для себя Саша застонала, а тело ее непроизвольно выгнулось дугой под руками Халаимова. Ей стало казаться, что оно, ее тело, превратилось в сплошной нарыв: еще немного, и она разорвется на части от прихлынувшей ко всем его точкам крови.

Саша не знала, что делать. Она извивалась под телом заместителя начальницы налоговой инспекции. Ей хотелось кричать и плакать, и просить о чем-то, но она никак не могла сообразить, о чем. Она, прожившая в браке восемь лет, была совершенно неопытна. Но Владимир Викторович знал, что надо делать. Она ждала рвущей на части боли, а получила освобождение от всех земных тягот. Ее тело сделалось легким и невесомым. Может быть, это смерть? Как она прекрасна в таком случае! Или не смерть... Может, это... любовь...

– Ты прекрасна, Сашенька, – шепнул ей на ухо Халаимов и лег с ней рядом на спину.

Разве они уже на «ты»? Вроде после «этого» все всегда на «ты»... Она не сможет. Да, она не сможет назвать его Володей. Они совершенно незнакомы. Он начальник, она – его подчиненная и даже не по прямой. Их разделяет целый пролет служебной лестницы... пропасть... вечность...

Саша решила, что сеанс окончен, схватила рукой валяющийся под рукой джемпер и, стыдливо прикрывшись им, поднялась с дивана. Владимир Викторович не стеснялся. Он лежал перед ней, красивый и совершенный, как античная скульптура. Саша не могла отвести от него глаз, а он улыбался, довольный собой, своим ослепляющим телом и тем, что произошло. И, похоже, довольный ею, Сашей.

И она не устояла. Она отбросила свой джемпер и впервые в своей жизни опустила на колени перед мужчиной. Вздрагивая и пугаясь собственной смелости, она провела рукой по рельефной тугой мускулатуре и с опаской посмотрела в глаза Халаимова. То ли она делает? Его взгляд сказал: то. И она, не помня себя, принялась целовать прекрасное лицо, крепкое, долгое тело. А потом ей опять показалось, что отлетела душа и вместо нее слетела с небес сама Любовь.

Одеваться он начал неожиданно и сосредоточенно, будто куда-то опаздывал. Саша решила, что он хочет еще поспеть на день рождения, и даже не сделала попытки его задержать.

Она сидела на диване обнаженной, уже не спеша одеваться, и заворуженно следила, как он натягивает брюки, застегивает рубашку. Халаимов все делал красиво и грациозно. Процесс вульгарного одевания превращался в иллюзион.

– Ну, мне надо бежать, – сказал он, будто только так и положено прощаться после интимной близости.

Саша не шелохнулась. Он подошел к ней, поднял с дивана своими сильными руками и прижал к себе. Все тело ее опять задрожало, но его это уже не интересовало. Он чмокнул ее в щеку и стремительно вышел в коридор.

Когда за ним захлопнулась входная дверь, Саша долго еще стояла столбом посреди комнаты, пока не почувствовала, что замерзла. Она побрела в Серезину комнату за халатом. У большого зеркала шкафа задержалась и посмотрела на себя. Да-а-а... Прямо скажем, не нимфа... С нее скульптуру лепить не станут. Грудь несколько обвисла. Что не удивительно – Серезу она кормила долго, почти до года. Молока было много, и теперь под сосками красовались белые червеобразные растяжки. Такие же червячки змеились и на животе. Как же она об этом забыла? Стоило ли себя демонстрировать во всей такой красе? Можно было хоть свет притушить... Впрочем, теперь это уже не имеет значения.

Саша накинула халат и еще раз вздрогнула, будто ее тела коснулась не ткань, а нежные руки Халаимова. Она вздохнула и пошла собирать разбросанную по полу одежду. Когда белье, юбка и джемпер водворились на привычные места, Саша задумалась. А был ли здесь Владимир Викторович? Не плод ли ее расстроенного воображения все случившееся? Может, ей надо лечиться?

Саша вышла в коридор и почему-то испугалась. На столике так и стояли две бутылки: пузатая коньячная и винная, длинная и тонкая. У Саши задрожали колени. Почему он их не взял? Забыл? А как же день рождения? К черту день рождения! Какое ей дело до какого-то дня рождения?! Она только что целовалась с таким мужчиной, о котором не могла раньше и мечтать. Она была с ним! Он был с ней! Он сказал ей, что она прекрасна!

Нет, она ни за что не понесет ему эти бутылки на работу, и ему придется прийти к ней за ними еще раз. Еще раз... Хм, другого раза, пожалуй, не будет. Он наверняка уже купил другие. А она, Саша, скорее всего, была всего лишь эпизодом в его бурной биографии. Слишком уж он смел. Сопротивления даже и не предполагал. Саша вспомнила, как смущенно он смотрел в глаза женщин ее отдела. Как он умудряется сохранять такой непорочный взгляд?

Саша вернулась в комнату, еще хранившую запах его парфюмерии: что-то ванильно-чувственное... Или теперь все, связанное с Халаимовым, будет восприниматься ею именно так? Конечно, он больше не придет. Да и был ли он здесь? Вот уже и не пахнет ванилью... Если бы не две бутылки... Может, они тоже ей почудились? Вот сейчас еще раз выйдет в прихожую, и их там, конечно, не окажется...

Она хотела пулей вылететь в коридор, но заставила себя идти медленно и размеренно. Если бутылки ей примерещились, то это будет означать, что у нее маниакальный психоз ввиду неудовлетворенных женских желаний. Странно... Пока она сегодня утром не увидела на улице нового зама, у нее и желаний-то никаких не было. Муж отбил у нее всяческие желания. Она даже не могла и представить, чего именно ей нужно было желать. Теперь-то знает...

Бутылки стояли на месте. Все те же: коньячная и винная. Так что же такое произошло? Почему? Не мог же Владимир Викторович вдруг взять и сразу в нее влюбиться. Конечно же, нет. Наверняка завтра в инспекции он будет делать вид, что между ними ничего не было. А ей что делать? Ее будет трясти мелкой дрожью только при упоминании его имени. Зачем же она ему поддалась? Он теперь будет думать, что... Но разве можно было устоять? Разве кто-нибудь может перед ним устоять? Интересно, был ли такой прецедент?

А она... За пару часов она узнала столько нового о себе и своих женских желаниях, сколько не смогла узнать за восемь лет жизни с Арбениным.

Саша сняла с дверной ручки пакет с пирогами и пошла на кухню. Теперь можно устроить пир.

Надо же, какой сладкий пирог! Этот, с яблоками и корицей. Сладкий и с легкой горчинкой, как... любовь... Саша замерла с куском пирога во рту. Она, обнимая Халаимова и сливаясь с ним, явственно ощутила чувство любви. Любви? Но этого же не может быть! Скорее всего, это был всего-навсего тот самый знаменитый оргазм, о котором она столько слышала и которого ни разу не испытала, живя с Арбениным. А любовь... Любовь возникает, когда человека как следует узнаешь, съешь с ним не один пуд соли... Хотя... с Арбениным она много чего съела: и соли, и перца, и горчицы, но такого возвышенного чувства, как сегодня, никогда не испытывала. Может, она влюбилась в нового зама? От этой мысли тело Саши под тонким халатом покрылось мурашками. Влюбилась? Она и в Юрия была влюблена... Очень влюблена...

Они познакомились в баре, куда Сашу затащила тогдашняя ее подруга Лида Салтыкова. Надо сказать, что Саша всегда была одиночкой по натуре и дружить не очень умела. Все подруги, которые бывали у нее в жизни, как-то сами прилеплялись к ней и мужественно терпели ее странности. Странности заключались в том, что Саша не слишком любила развлекаться, была погруженной в себя домоседкой и запросто могла променять дискотеку на вечернее чтение какой-нибудь книги, преимущественно классики, русской или зарубежной, или на так любимое ею рисование.

Однажды Саше пришлось готовиться к экзамену вместе с Салтыковой по одному учебнику, которых в институтской библиотеке на всех не хватало, и с тех пор Лида к ней намертво приклеилась.

Идти в бар Саша не хотела, потому что вообще не любила ходить в места, где много народу, где курят и тем более пьют. Лида потратила много слов для уговоров, привела массу, как ей казалось, убедительных аргументов в пользу посещения бара и с большим удовлетворением от результатов собственной деятельности повела подругу в недавно открывшееся заведение под названием «Дерби». Она даже не могла предположить, что Саша согласилась пойти только потому, что Лида надоела ей, как жужжащая возле уха муха. «Лучше перетерпеть пару часов этот бар, как стоматологический кабинет, – подумала Саша, – чем слушать Салтыкову весь вечер».

В баре, который из всех сил пыжился оправдать свое название, все стены были увешаны конной упряжью, жокейскими шапочками, хлыстиками и конными портретами в медальонах, окруженных венками из лавровых листьев. Коктейли тоже имели соответствующие названия: «Забег», «Фаворит», «Жокей», «Иноходец», «Рысак» и даже «Амазонка». Девушки взяли себе по «Амазонке» и по куску пирога с сыром «Ипподром». Пирог оказался вязким и непропеченным, а расплавившийся сыр тянулся нескончаемыми нитями и вяз в зубах.

– Ну и гадость этот «Ипподром»! – с сожалением вынуждена была констатировать Лида.

– «Амазонка» не лучше, – подхватила Саша. – Я думала, коктейль назван в честь женщины-всадницы, а, похоже, этими стаканами черпали воду из настоящей Амазонки, с тиной и головастиками.

– Фу, Сашка! Придумаешь тоже! Прямо уже и пить это неохота!

– Ну и не пей! Вот посмотри! Что это у меня на дне, если не головастик? – Саша с брезгливостью придвинула к подруге высокий стакан с желтой мутноватой жидкостью.

Лида внимательно разглядела бултыхающиеся на дне в бурых хлопьях составляющие коктейля и предположила:

– Слушай, а может, это оливка... Их иногда в коктейли вроде бы добавляют... для экзотики...

– Какая же это оливка, если у нее хвост! – сморщилась Саша.

Салтыкова брезгливо поджала губы, еще раз потрясла стаканом с хвостатыми составляющими и вынесла приговор:

– Точно! Головастик! Или, может быть, вообще чей-то эмбрион!

Тут уже и Сашу передернуло.

– Ну и зачем ты меня сюда тащила? – спросила она.

– Ну... я же не знала, что тут так плохо с едой и... выпивкой. Я думала, отдохнем, оттянемся в новом баре. Интерьерчик-то клевый! Мне, Саш, вон тот конь нравится. На правой стене. Черный.

– Кони бывают не черные, а воронье.

– Все равно! Знаешь, раз выпить не удалось, думаю, надо курнуть. Пойду чего-нибудь куплю.

Лида прыгнула с высокого стула с сиденьем в виде седла и пошла к барной стойке. Бармен, молодой блондин, весь в цепях и кольцах, очевидно, оказался очень разговорчивым, потому что Салтыкова надолго зависла около него.

Саша сидела в своем седле и раздражалась все больше и больше. Курить ей не хотелось. Она вообще редко курила, а если и бралась за сигарету, то только для того, чтобы не выглядеть белой вороной в студенческой компании. Сизый дым и без помощи двух подруг и так уже почти полностью заполнил помещение бара. Из колонок, подвешенных где-то под потолком, гремела музыка, но никто не танцевал. Да и вообще народу было мало.

Саша пересчитала оставшиеся деньги. Похоже, должно хватить на два коржика, которые она видела в углу витрины. После мерзкого сырного пирога и пары глотков мутной «Амазонки» есть захотелось по-настоящему. Она уже прыгнула со стула на пол, когда вернулась Лида еще с двумя полными стаканами в руках и зажатым под подбородком целлофановым пакетом.

– Садись, – велела она Саше. – Шурик прислал.

– Что еще за Шурик?

– Бармен! Представляешь, оказывается, мы с ним в параллельных классах учились. Когда мы «Амазонку» брали, я его даже не узнала. Он вообще-то черноволосый, а тут вдруг стал белоснежный, как ангелок. Выкрасился. Говорит мне сейчас: «Чего родных не узнаешь?!» Я пригляделась – Шурик!

Лида шлепнула на стол стаканы с ярко-оранжевой жидкостью.

– А это еще что? – Саша опасливо покосилась на ядовитую окраску очередного напитка.

– Коктейль называется «Виктория», то есть – победа. Шурик сказал, что делал, как себе. Я видела, он наливал сок манго и апельсиновый, сухое вино и еще что-то... покрепче. Сверху шоколадом посыпал, корицей и даже вроде бы тертым орехом... Видишь, целая горка. Не пожалел. А это, – Лида надорвала пакет, – это какое-то печенье навороченное. Тоже сказал, что от себя отрывает. Гляди – с маком! Вкусное! Попробуй, так и тает во рту...

«Виктория» оказалась ничего себе, весьма пьянящей и приятной на вкус. В течение вечера Шурик еще несколько раз подносил девушкам коктейли, сделанные, как для себя, потому что явно намеревался закрепить успех и продолжить встречи с неожиданно, но удачно встреченной Лидой за пределами «Дерби». Чтобы Салтыкова ненароком не улинула, он подвел к подругам в качестве соглядатая молодого человека.

– Вот, Лид! Узнаешь Юрика? Тоже в нашем классе учился.

– Арбелин, кажется... – попыталась вспомнить Лида.

– Арбенин, – поправил ее молодой человек и улыбнулся. – Классику надо знать.

– А-а-а! – беспечно махнула рукой Салтыкова. – Всю ее все равно не упомнишь. Арбенин – он где был? В «Войне и мире»?

Молодой человек почувствовал, что Лиде совершенно не важен его ответ, и кивнул головой. Саше это понравилось. И весь он понравился тоже: смуглолицый, пышноволосый, с очень яркими сочными губами.

– В общем, так! – уже во всю распоряжался Шурик. – Сейчас за вами ухаживает Юрик, потом я подменяюсь, и мы вчетвером закатываемся ко мне на квартиру! Заметано?

– Заметано! – хихикнула уже пьяненькая Лида.

– Заметано, – утвердительно кивнул головой Юра и вопросительно посмотрел на Сашу.

В его взгляде ей почудилась просьба. Даже не просьба, а мольба – тоже согласиться на предложение Шурика. И она, прямо глядя в его темные глаза, тоже кивнула головой.

В «Дерби» не танцевали, поэтому молодые люди без устали занимались этим у Шурика. Он снимал комнату в двухкомнатной квартире, где жила еще одна молодая пара. Очень скоро пара присоединилась к их веселью, но Саша на следующий день не могла даже вспомнить их лиц, потому что смотрела только на Юру. Юра тоже смотрел только на нее. Это устраивало и Салтыкову с Шуриком, и соседей.

Саша чувствовала себя уже сильно опьяневшей, когда вдруг сообразила, что они с Юрой в комнате одни. Соседи удалились в собственную опочивальню, Лида с Шуриком, очевидно, выкатились на кухню. В комнате было полутемно, из магнитофона несло «The Show Must Go On» Фредди Меркьюри. Атмосфера была настолько интимной, что губы Арбенина на ее щеке показались Саше очень уместными. Она не имела ничего и против того, чтобы соединить свои губы с его. Они целовались под закордонного Меркьюри, потом под отечественных исполнителей до тех пор, пока у Саши не заболела откинутаая назад шея.

Комната Шурика имела одно спальное место в виде поставленной прямо на пол, без ножек, широкой двуспальной тахты. В этот вечер Юра мог сделать с Сашей, что угодно. Она не смогла бы противиться алкоголю, музыке и красивому молодому человеку с яркими и такими вкусными губами. Но он ограничился только поцелуями и скромными стыдливими ласками на Шуриковой тахте. Он же не позволил ей уснуть в этой квартире и отвез домой. Это и решило все дело.

Утром Саша с нежностью вспоминала смуглого парня с яркими губами и классической фамилией, который не воспользовался ситуацией и, пафосно говоря, сберег ее девичью честь. Ей где-то даже жалко было, что сберег. Она зябко поеживалась, когда вспоминала его поцелуи и руки, ласково поглаживающие ее тело через одежду.

Днем Саша поняла, что Юра Арбенин ей очень понравился, а вечером она уже честно призналась себе, что влюбилась. Она как раз раздумывала над тем, не поговорить ли на предмет него с Салтыковой, когда он сам позвонил ей по телефону и пригласил на свидание. Положив трубку, Саша сладко поежилась. Они с Юрой в этот день оба думали друг о друге и оба собирались позвонить Салтыковой. Арбенин успел первым. И это было здорово!

Они встретились на Дворцовой площади у Ангела. Увидели друг друга и оба мучительно покраснели. И очень долго не могли разговориться. И кто знает, когда бы еще разговорились, если бы не хлынул дождь.

– Бежим! – крикнул Юра, взял ее за руку, и они бросились под арку Главного штаба. Там уже набилось приличное количество прячущегося от дождя народа, и Арбенин обнял ее, как бы отгораживая и пряча от всех. Она уткнулась лицом ему в грудь, и его запах показался ей до того родным, что она сама подняла к нему лицо для поцелуя. И они целовались у стены арки Главного штаба, никого не стесняясь. Все люди тоже казались родными и такими же счастливыми, как они.

Через некоторое время под арку забежала группа насквозь промокших молодых людей. У одного парня болталась на груди гитара, и он тут же принялся на ней бренчать и даже что-то негромко петь. Сначала Саша с Юрой, занятые собой и своими новыми ощущениями, не прислушивались, а потом вынуждены были отвлечься друг от друга. Притихли и обернулись к молодым людям вообще все, кто спасался от дождя под аркой. Парень пел очень хорошо. Мелодия была незамысловатой, но очень трогательной, а слова, очевидно, были написаны для девушки, которая стояла рядом с парнем и застенчиво улыбалась.

Парень пел:

Мы гуляли по Дворцовой,
Ангел вслед глядел с колонны,
Твоим обликом мадонны
Очарован. Облицован
Небосвод был чем-то серым,
Что для Питера нормально.
Ревновал тебя я к небу,
К всяким ангелам случайным.

Было в городе остылом
Мне тревожно отчего-то,
«Посмотри! Вот кони Клодта!» —
Ты сказала, руку вскинув.
Укротитель юный скромно
Улыбнулся с постамента.
Понял я с того момента,
Что давно с тобой знаком он.

Мы простились на вокзале.
Изваяньем безголосым
Я застыл. С немым вопросом
Провожал тебя глазами.
Вслед за электричкой – ветер,
А по шпалам – Клодта кони,
За тобой спешат погоней,
Укротитель юный бледен.

За конями – Ангел быстрый —
От колонны оторвался.
Победитель – город мгlistый —
Я тогда себе признался
И побрел пустым кварталом,
Неприкаянный и грешный.
«У меня тебя не стало...» —
Повторял я безутешно.

В те времена еще не так часто можно было услышать уличных музыкантов, и восторженные горожане вместо денежных знаков осыпали юного менестреля аплодисментами, а одна женщина даже отдала его девушке свой букет из красных гвоздик. Саше тоже очень понравилась молодая пара и песня. И только тогда, когда была уже «глубоко» замужем, она вдруг поняла, что песня того парнишки была ей как бы предупреждением. «Ревновал тебя я к небу, всяким ангелам случайным», – эти слова можно было сделать эпиграфом ко всей ее семейной жизни с Арбениным. Саше надо было бежать от Юрия, как героине песни, может быть, даже вскочив на коня клодтовского укротителя, но она не смогла распознать в случайном уличном музыканте провидца.

Они с Арбениным через месяц подали заявление в загс. Лида Салтыкова, узнав о наметившейся свадьбе, раз сто повторила: «Ну вот! А ведь не хотела идти в „Дерби“! Если бы не я,

где бы вы сейчас были с Юриком?» – и потребовала, чтобы их с Шуриком непременно взяли в свидетели.

Первая брачная ночь молодоженов была настоящей первой у обоих. Выяснилось, что тогда, у Шурика, Юра не столько щадил Сашину девичью честь, сколько боялся своей неопытности и возможной в связи с этим неудачи. После того как отношения были узаконены, он посчитал, что жена не имеет права сбежать от него даже в том случае, если у него ничего не получится. Против печати в паспорте не попрешь.

У него все получилось. Саша взывала от боли, а Арбенин глубокомысленно изрек, что женщинам всегда в первый раз бывает больно. Саша это тоже слышала и даже читала, а потому решила перетерпеть первую брачную ночь, как судьбоносный поход в бар «Дерби». И она терпела все восемь лет брака, а Юрию даже никогда не приходило в голову, что у них что-то не так. Ему с женой было хорошо. Других женщин он не желал и считал, что Саша с жиру бесится: он ее любит изо всех сил, а она, вместо того чтобы стонать от наслаждения, глупо и упрямо каменеет, стиснув зубы. Он призывал ее расслабиться, отбросить в сторону всякие предрассудки и наслаждаться его телом так же, как он наслаждается ее. У Саши ничего не получалось.

Женщины отдела учета и анализа инспекции Федеральной налоговой службы, в которой Саша наконец закрепилась после того, как сменила несколько других неудачных мест работы, тоже не были в восторге от своих мужей. Марьяна Валерьевна Терехова не поддерживала подобных разговоров, поскольку вообще старалась держать в отношениях с подчиненными некоторую дистанцию, но однажды все-таки обмолвилась. Сказала она нечто противоположное: что даже не может представить такого, чтобы женщина в интимные моменты ничего не чувствовала, и что мужчина – не мужчина, если не может доставить женщине удовольствие. Когда Терехова вышла в коридор, Тамара Ивановна, старший инспектор и многоопытная мать троих детей, глубокомысленно изрекла:

– Врет и не краснеет. Цену себе набивает, мол, у нее все самое-самое, и даже мужик, как в кино.

После этого ценного замечания Саша удостоверилась, что у всех на сексуальном фронте примерно так же, как у нее, и продолжала терпеть изощрения своего мужа, которые все больше и больше отдавали садизмом...

Со сладкими от пирога губами Саша уселась за письменный стол, где лежала деревянная дощечка, выкрашенная черной тушью. Посреди черного поля белел гуашевый подмалевок фантастической птицы с женской головой...

Когда Саша училась в третьем классе, мама отвела ее в кружок народного творчества при соседнем ЖЭКе. В те достопамятные времена при ЖЭКах еще существовали бесплатные кружки для детей и прочих желающих. В кружке народного творчества маленькая худенькая женщина Галина Петровна Завадская учила грунтовать деревянные заготовки разделочных досок, пасхальных яиц, шкатулок и матрешек, расписывать их гуашевыми красками, темперой и покрывать лаком.

Саша оказалась одной из самых терпеливых и талантливых учениц. В кружок к Галине Петровне она ходила четыре года, освоила и прописную, и мазковую техники. Из-под ее кисточек выходили вполне профессиональные работы, которые не раз побеждали на всяческих конкурсах детского творчества. Возможно, после восьмого класса Саша поступила бы в какое-нибудь художественное училище, если бы Галина Петровна внезапно не умерла и кружок не закрылся.

Вообще-то она умерла совсем не внезапно. Она долго болела и с большим трудом вела свой кружок, но дети, разумеется, об этом и не догадывались. Саша училась тогда еще только в седьмом классе, а в девятом уже пришло другое увлечение – математикой, и она всерьез стала готовиться к поступлению в финансово-экономический институт.

Но страсть к росписи у нее осталась. Саша продолжала покупать на рынках деревянные заготовки, грунтовала их, как учила Галина Петровна, и с замиранием сердца расписывала, никогда не зная в начале работы, что выйдет из-под ее кисточки в конце. Саша одарила всех родственников, знакомых и подруг своими досками, шкатулками и матрешками, вполне отдавая себе отчет, что они никому не нужны. В современных квартирах не было места ее народному искусству. Даже несмотря на то что Саша выработала свой стиль и расписывала доски фантастическими птицами, зверями и цветами, каких никогда не было не только в природе, но и в практике ни одной из школ росписи по дереву, ее работы не смотрелись в хайтековских интерьерах. Для стиля минимализма они были инородными и слишком яркими пятнами.

Сашины птицы, выполненные мазковой техникой, имели радужное оперение и женские головы. Они были совершенно своеобразными, но у зрителя, при взгляде на них, то ли в памяти, то ли в воображении всплывал Алконост, Сирий или Гамаюн, самые известные птицы славянской мифологии. На самом деле это были птицы мифологии Сашиной души.

Гораздо больше, чем мазковую, она любила прописную технику, потому что та давала больше возможности для проявления фантазии. Птичьи перья и уборы Саша составляла из мелких деталей, которые, в свою очередь, заполнялись тонкими линиями, точками, перекрестками и окружностями, составляющими причудливый геометрический узор. Бледные лица птиц имели огромные глаза с выражением запредельного знания. Сама Саша не знала того, что знали ее женщины-птицы.

Арбенин ненавидел и птиц, и кисти, и баночки цветной гуаши, и особенно запах лака, от которого у него болела голова. Он считал «эту мазню» пустым времяпрепровождением. Женщина должна варить борщи, печь пироги и воспитывать ребенка. А если у нее остается свободное время, то его вполне можно заполнить сексом, тем более что Сережу очень часто брали к себе погостить обе бабушки и возможности для этого у супругов были неограниченными.

Юрий говорил, что его раздражает согбенная над доской спина жены, ее выпачканные краской пальцы и, главное, ему не нравится, когда жилую комнату превращают в мастерскую. Он хочет жить в уюте, утопая в ласках жены, а не в ядовитых парах лака. Его бесит, когда в каждом углу обеих их комнат он натывается на выпученные инфернальные глаза птичьих монстров, которые неизвестно что замышляют.

После развода Саша опять достала свои доски и краски. Отвыкшие от кистей пальцы поначалу не слушались, но терпения ей было не занимать. Примерно через месяц она опять уже твердо держала кисть и могла провести самую тонкую линию, изобразить идеальные окружности. Все нижние ящики Серезинового секретера уже были заняты Сашиными работами, но она писала все новые и новые, потому что этого просила душа...

Саша полчаса трудилась над лицом своей птицы, когда вдруг почувствовала, что рисует не птицу, а себя: горчичного цвета округлые глаза, тонкий, со слегка вздернутым кончиком нос, удлиненные тонкие и бледные губы. Саша заглянула птице в свои собственные глаза и покрыла ее щеки легкими веснушками, а под правым глазом ткнула темно-коричневую родинку.

После этого она минут пять просидела в раздумье над вопросом, каким оперением одеть себя-птицу, и решила, что больше всего ей подойдет зеленовато-желтая гамма. Саша обмакнула кисточку в охра, потом вдруг промыла ее, развела на палитре коричневую гуашь с белой, добавила капельку кармина и изобразила птице обнаженную грудь. Дальше уже ничего не оставалось, как продолжать писать свое обнаженное тело. Она только что разглядывала себя в зеркало, а потому не щадила: вот она, слегка обвисшая грудь, вот рубцы растяжек, вот несколько широковатые по современным меркам бедра.

А волосы... Сейчас она напишет свои прекрасные волосы, которым завидует вся налоговая инспекция.

Саша выставила строем перед собой баночки разноцветной гуаши, но вместо волос начала вдруг рисовать фантастические цветы. Получалась не женщина и не птица. Из-под Сашиных рук рождалось на свет фантастическое существо с ее собственным лицом и телом и цветами на длинных закрученных спиралями стеблях вместо волос.

Поскольку подмалевок был рассчитан на птицу с крыльями и с хвостом, то на черном фоне доски осталось много белого поля. Саша и там начала рисовать цветы и маленьких юрких большеглазых и пушистых зверушек, которые, путаясь в стеблях и цветочных венчиках, прижимались к женскому телу.

Когда доска была закончена, Саша с трудом разогнула спину и с удивлением отметила, что работала четыре часа без перерыва. На будильнике, настойчиво тикавшем на книжной полке, стрелки показывали пятнадцать минут первого ночи.

* * *

Марьяна Валерьевна Терехова, строгая начальница отдела учета и анализа налоговой службы, испытала настоящий шок, когда посмотрела в ясные глаза нового зама Халаимова Владимира Викторовича. Таких красивых мужчин она никогда в жизни не видела, если не считать рекламные проспекты, голливудские фильмы и некоторые отечественные сериалы. Перед ней стоял и улыбался не виртуальный красавец, а живой, из плоти и крови. У него слегка завернулся кончик воротника рубашки, на плече прилепилась тоненькая ворсинка, а его парфюмерия источала какой-то необычный горьковато-сладковатый запах.

Марьяна буквально потеряла дар речи, потому что испугалась, что Халаимов заметил, какие у нее неказистые волосы. А может, все-таки не заметил? Только бы не заметил! Она невпопад ответила на какой-то его вопрос, потому что толком и не поняла, что он спросил. Да разве какие-то вопросы могли сейчас иметь значение? Она думала совершенно о другом: этот мужчина должен принадлежать ей! И он будет принадлежать ей!

Марьяна Валерьевна всегда получала от жизни то, что хотела. Потом она иногда раскаивалась, когда получала желаемое, но ни разу еще не проиграла и никому ничего не уступила. В школе она училась лучше всех и шла на золотую медаль, и обязательно получила бы ее, если бы в выпускном классе вовремя не переориентировалась и не поставила себе другую цель. Что такое медаль? Престижная железяка, которая на самом деле никакая и не золотая! Пусть за нее борются зубрилки. Она легко поступит в институт и без золотой медали. Серебряная ей и так уже обеспечена.

Где-то перед самым выпуском из школы, кажется, в апреле, Марьяна вдруг с удивлением обнаружила, что кроме нее никто так жилы не рвет. Все вроде бы и учатся, вроде бы и готовятся к поступлению в вузы, но тем не менее не забывают и о личной жизни. Почти все девчонки дружили либо с одноклассниками, либо с мальчиками из параллельных классов. У самых красивых в качестве кавалеров были уже студенты вузов и курсанты военных морских училищ.

Пусть Марьяна и не красавица, но девушка весьма приятной внешности. Правда, вот волосы... Да, прической она и в юности не могла похвастаться, но носила такую короткую мальчишковую стрижку, которая сама по себе была вызовом общественному мнению. Никто не посмел бы и подумать, что все дело тут в слабых и неказистых волосах. Каждому казалось, что супер-Марьяна держит свой, особый и отличный от других стиль.

Одним словом, задумавшись о личной жизни, Марьяна тут же почувствовала себя обманутой и обделенной. Для начала она бросила взгляд на одноклассников и обнаружила, что Женя Федосеев очень даже ничего себе: высокий, стройный и буйноволосый. Дело несколько осложнялось тем, что он уже во всю дружил с Люсей Шевцовой и на Марьяну не обращал ровным счетом никакого внимания. Но не такова была Марьяна, чтобы отступить при первых же трудностях.

Определив, таким образом, объект, Марьяна наплевала на чувства Люси Шевцовой и приступила к атаке. Сначала она выяснила, когда обоих ее родителей весь вечер не будет дома. Определившись с днем, Марьяна попросила у Федосеева старый учебник Ландсберга по физике. Этот самый Ландсберг, разумеется, у нее имелся, все три тома, но она сделала вид, что просто задыхается без него.

Она договорилась с Женей встретиться на станции метро «Чернышевская», но очень вовремя позвонила и сказала, что у нее неожиданно поднялась температура и она была бы благодарна, если бы Женя собственноручно занес ей этот учебник. Если ему, конечно, не трудно. Парень решил, что помощь однокласснице труда ему не составит никакого, и обещал прийти. К тому моменту, когда Федосеев должен был появиться, Марьяна разложила постель, надела самую красивую ночную сорочку на тоненьких бретельках и, читая учебник анатомии для восьмого класса, распалила себя так, что готова была наброситься на Женю прямо у входной двери.

С трудом сдержавшись, она предложила ему пройти в комнату, якобы для того, чтобы проверить, есть ли у Ландсберга та глава, которая ее особенно интересует в свете поступления в институт. Извинившись и сославшись на температуру, она скинула халатик, забралась в постель и принялась сосредоточенно перелистывать учебник. При этом тонкая бретелька с ее плеча все съезжала и съезжала до тех пор, пока сорочка не обнажила маленькую крепкую грудь с нежно-розовым соском.

О том, что Женя увидел то, что ему намеренно демонстрировали, Марьяна поняла по напряженному сопению, но головы не подняла, «увлеченная» Ландсбергом. Она несколько сменила позу, одеяло съехало, и Жениному взору предстало обнаженное бедро и наполовину прикрытый все той же тонкой сорочкой темный треугольник между ног.

– Ну... я пойду, – пробормотал Федосеев таким полузадушенным голосом, что Марьяна поняла: только что посеянное уже дало первые всходы. Ей хотелось собрать весь урожай, поэтому сорочка сама собой полезла вверх, ноги раздвинулись, и бедный Женя Федосеев увидел то, чего никогда прежде не видел и, главное, чего никак не рассчитывал увидеть в ближайшие полгода.

Федосеев прирос к стулу, уже не собираясь никуда уходить, а Марьяна, воспользовавшись его замешательством, выбралась из постели. Вторая бретелька сама собой скатилась по шелковистому плечу, сорочка упала на пол, и Жене ничего не оставалось делать, как припасть к беззащитно предлагающему себя блистающему телу.

Люся Шевцова была благополучно Женей забыта. Она плакала, требовала объяснений и на нервной почве съехала на сплошные тройки, но это никого не волновало. Женя с Марьяной упали в омут плотской любви, от чего сами весьма пострадали, потому что выныривали лишь к контрольным и сочинениям, и то от случая к случаю. Марьяна не получила даже серебряной медали, но в институт все же поступила. Женя в Политех провалился и отчалил в армию, аж на Кольский полуостров.

Кольский полуостров был так запредельно далеко, что очень скоро Марьяне надоело отвечать на Женины романтические послания. Тем более что в одной с ней группе финансово-экономического института, куда она поступила, учился некто Влад Терехов.

Терехов был старше ее на три года и армию уже успел благополучно отслужить, из чего следовало, что ни на какой полуостров его больше не зашлют. Он казался Марьяне очень взрослым, независимым и мужественным. Она попыталась провернуть с ним вариант с учебником и съехавшей ночной рубашонкой, но успеха он не возымел. Видимо, Терехов уже кое-чего повидал на этом свете, а потому на обнаженку ожидаемым образом не прореагировал. Он прикрыл «больную» девушку одеялом и ушел восвояси, то есть в студенческую общагу.

Марьяна весь вечер прорыдала в подушку и чудным образом заболела по-настоящему. Наутро у нее действительно поднялась температура и дико заболело горло. Она не посещала

лекции около двух недель, и по истечении последней Влад Терехов появился к ней сам с пакетом апельсинов и двумя пирожными «буше».

– Ну, давай, что ли, чаю попьем, – предложил он.

Марьяна, которая уже почти поправилась и от Терехова ничего хорошего не ожидала, плюхнула перед ним на стол чашку с чаем, выложила на тарелочку сразу оба пирожных и зло сказала:

– Трескай!

Терехов не смутился, съел оба пирожных и, улыбнувшись, спросил:

– Обиделась?

Марьяна, запакованная в плотный спортивный костюм на «молнии», сделала вид, что не поняла его намека на прошлую задравшуюся ночнушку. Терехов и этим не смутился.

– Я просто не люблю, когда меня держат за идиота, – сказал он.

– И что? – истерично выкрикнула Марьяна.

– Ничего. Я думал, что ты прикидываешься заболевшей, а девчонки сказали, будто у тебя температура чуть градусник насквозь не прошибла.

– И что? – опять проклекотала Марьяна.

– Ничего... Жаль, что на тебе нет той самой... рубашечки, – без всякой улыбки сказал он. – Сейчас я, пожалуй, оценил бы.

– Перебьешься! Раньше ценить надо было!

– Ну ладно, – согласился Терехов. – Я тогда пойду.

– Скатертью дорога! – рявкнула Марьяна и понеслась открывать ему входную дверь.

В прихожей квартиры, расположенной в старом питерском доме, Терехов ногой захлопнул дверь, услужливо открытую Марьяной, прижал ее к стене и поцеловал так, что ей стал отвратителен толстый спортивный костюм, старый свитер под ним, детская маечка, хабэшные колготки и трусы в зелененькие цветочки. И тем не менее, кроме поцелуя, Терехов в тот день так ничего и не урвал. Дело было не только в заношенных трусиках – Марьяна не хотела ему прощать проигнорированную задравшуюся рубашонку. И не прощала долго. Она крутила романы со многими парнями и особенно любила целоваться со своими поклонниками на виду у Терехова. Он, глядя на ее выкрутасы, кривил губы, целовался с другими, а перед самым выпуском, остановив ее в институтском коридоре, сказал:

– Хватит, Марьяна! Выходи за меня замуж.

– С какой это стати?! – спросила она по инерции зло и заносчиво.

– Ты любишь меня, я знаю, – серьезно ответил он.

– Да?! – сделала она удивленные глаза, а в груди у нее все затрепетало от небывалого ощущения победы над непобедимым Тереховым.

– Конечно, любишь. И я...

– Что ты?

– Я тоже люблю тебя, Маша...

Машей Марьяну звали только в раннем детстве. Лет в шесть она заявила родителям, что ненавидит глупые сказки про глупых Маш с глупыми медведями, и потребовала, чтобы ее всегда звали только полным именем. Мама еще пару месяцев сбивалась на Машу, но дочь так зло и по-взрослому поправляла ее: «Марь-я-на!», что бедная женщина вынуждена была сдаться.

Это ее детское имя – «Маша» – в устах сурового Терехова прозвучало как объявление о полной и безоговорочной капитуляции, что несказанно утешило сильно уязвленное им же Марьянино самолюбие. Отныне одному лишь Владу Терехову разрешалось звать ее Машей. Такой вот он получил знак отличия от других. Такую награду.

Поженились они сразу после окончания института. Марьяна никак не могла понять, что испытывала во Дворце бракосочетания, когда Терехов надевал ей на руку обручальное кольцо.

Любовь ли? Любила ли она Влада или всего лишь праздновала победу? Его поцелуи были вкуса сбывшегося желания.

В постели она представляла, как он мучился, когда она его отвергала, и наслаждение от этого делалось еще слаще, еще острее, еще пронзительней. В конце концов она привыкла к тому, что дарит себя мужу, и это ощущение превосходства над ним постепенно перенесла и на все другие области их семейной жизни.

Терехов оказался любящим и терпеливым мужем и нежным отцом. Марьяна могла смело доверить ему детей с самого младенчества, зная, что он вовремя и покормит их, и переоденет, и укачает. В случае необходимости Влад мог и обед приготовить, и квартиру убрать, и даже постирнуть ее колготки.

Марьяна воспринимала это как должное и была уверена, что в очередной раз вытянула в жизни счастливый билет. На других мужчин она никогда больше не смотрела, потому что, в дополнение ко всему вышеперечисленному, Терехов имел неплохую внешность и был страстен в постели.

И вот теперь, когда Марьяна считала свою жизнь вполне устоявшейся и отлаженной, когда уже не ждала от нее никаких сюрпризов, в их налоговую инспекцию пришел Владимир Викторович Халаимов. От его взгляда у Марьяны немедленно скрутило внутренности, как когда-то в юности, когда она читала учебник анатомии, поджидая Женю Федосеева. Начальница инспекции что-то говорила о ней новому заму, а Марьяна больше всего хотела бы в этот момент оказаться перед ним в той самой сорочке со спущенной с плеча бретелькой.

Выстукивая на компьютере бесконечные ряды из «б» и «с», она думала о том, что надо немедленно что-то предпринять! Надо каким-то образом дать понять новому заму, что он произвел на нее большое впечатление. Два раза в жизни ей удавалось завоевывать нужных мужчин учебниками и полуобнаженным телом. Ясно, что с Халаимовым этот вариант не пройдет, но другого опыта у Марьяны Валерьевны не было. Она думала над обрушившейся на нее проблемой половину рабочего дня до обеда, а в кафе «Восторг», поглощая дежурный салат «Столичный», наконец придумала: для начала нужно съездить в салон «Мадлен», в котором продавались парики, шиньоны и всяческого вида накладки. Конечно, она понимала, что, если завтра же явится в инспекцию в шикарном парике, всем сразу станет ясно для чего, вернее, для кого она его надела. Но в таком шикарном салоне, как «Мадлен», специалисты должны быть настолько высокого уровня, что наверняка смогут помочь ей в ее щекотливом положении.

Марьяна Валерьевна еле дождалась конца рабочего дня, при этом насмерть переругалась с Тамарой Ивановой, сделала несколько едких замечаний Эльмирке и была раздражена тем, что не удалось придраться к пышноволосяй Арбениной. Та весь день тюкала на компьютере, и ей в голову даже не приходили мысли о салонах, типа «Мадлен».

Вынырнув из толпы, льющейся из метро на станции «Василеостровская», Марьяна сразу увидела «Мадлен». Салон, расположившийся на первом этаже старого дома, казался декорацией к шикарному сериалу про красивую жизнь, прилепленной к краснокирпичному и весьма неказистому зданию. В отличие от других окон дома, узких и глубоко утопленных в стены, огромные витрины салона сверкали новейшими стеклопакетами и представляли собой настоящее произведение дизайнерского искусства. В нишах, затейливо затянутых темно-бордовой тканью драпировки, стояли на разной высоте женские бюстики на длинных шеях и с гладкими продолговатыми лицами. Одни лица не имели ничего, кроме чувственных сочных губ, другие – только огромные манящие глаза.

На каждой модели красовался парик. Парики были так искусно и прихотливо освещены скрытыми от глаз светильниками, что их волосы казались живыми. Видимо, где-то внизу витрины еще находился и замаскированный вентилятор. Под легкими потоками воздуха прядки париков слегка трепетали и набегали на белые лица. Казалось, еще чуть-чуть, и из складок

ткани появятся такие же белые руки с тонкими длинными пальцами и отбросят от щек мешающие пряди.

Марьяна простояла у витрины минут десять. Ей нравились все парики до единого. Все они были лучше ее собственных жалких волос. Она еще раз коснулась рукой своей жидкой челки, торчащей из-под шапки, горько вздохнула и открыла дверь «Мадлен». Приход Марьяны был отмечен мелодичными переливами колокольчиков, и перед ней почти сразу возникла молодая женщина в очень красивом темно-синем костюме и белой блузке. Женщина так радостно улыбнулась и протянула к ней руки с длинными ухоженными ногтями, будто только ее и ждала, безотлучно дежуря у дверей.

– Милости просим! – пропела она неожиданно глубоким низким голосом, и Марьяна поняла, что ей далеко за тридцать. – Меня зовут Дарьей. Я менеджер салона «Мадлен» и вся к вашим услугам. Раздевайтесь, – она показала рукой на причудливо изогнутую стальную вешалку, – и проходите.

Дождавшись, когда клиентка снимет верхнюю одежду, Дарья под локоток провела Марьяну к двум креслам, стоявшим у стены небольшого пустынного холла.

Потолок и стены холла тоже были задрапированы тканью, тяжелой и темно-бордовой. Светильники, установленные вдоль стен на полу, так необычно освещали помещение снизу, что создавалась полная иллюзия того, что люди находятся внутри шкатулки, обитой бордовым бархатом. Марьяна мысленно поаплодировала находчивости дизайнера. В таком помещении невольно чувствуешь себя драгоценностью.

Странно только, что холл пуст. Неужели у салона мало клиентов? Наверняка мало. Марьяна прикинула, скольким женщинам налоговой инспекции стоило бы прикупить паричок, и поняла, что очень немногим. То-то менеджер Дарья вцепилась в нее, как в находку.

Дарья показала Марьяне рукой на кресло, сама опустилась в соседнее и спросила:

– Что желаете: кофе, чай, минеральную воду, коньяк?

Марьяна ничего такого не желала, потому что не была уверена, что у нее и на парик-то хватит. Все-таки она утром еще не знала, что после работы поедет в «Мадлен». Она отрицательно помотала головой и даже усилила отрицание жестко и одеревенело скрещенными на груди руками.

– Да не волнуйтесь вы так! – по-доброму улыбнулась Дарья. – Напитки, как говорится, за счет заведения. Мы сейчас с вами побеседуем о том, что вы хотите у нас заказать, а за чашечкой чая или кофе наше общение пойдет непринужденнее. Не так ли?

Марьяна, косясь на прекрасное каштановое каре менеджерихи, пыталась угадать, парик на ней или свои собственные волосы, но сделать этого не смогла и еле слышно произнесла:

– Ну... если вы так считаете... тогда, пожалуй, кофе...

Дарья, ни к кому не обращаясь, сказала в пространство:

– Два кофе. – Потом посмотрела в глаза Марьяне и спросила: – Вы ведь у нас впервые, не так ли?

Марьяна кивнула. В момент ее кивка из открывшейся прямо в драпировке двери вышла молодая девушка в таком же темно-синем костюме, как у Дарьи. За собой она везла сервировочный столик с игрушечным кофейным сервизом. Марьяне сразу стало понятно, почему заведение так разбрасывается своим кофе. Чашечки были не более наперстка. Много не выпьешь. Жмоты и лицемеры. Лишь бы пыль в глаза пустить. У них и парики, наверное, такие же: только в темноте на них смотреть и при освещении снизу. А взглянешь на себя при дневном свете и ужаснешься!

Девушка поставила на стол чашки, кофейник, молочник, вазочку с такими же крошечными, как все остальные, печенюшками и, обворожительно улыбнувшись клиентке, исчезла в стене вместе со своим столиком. Марьяна невольно отметила, что у нее прекрасные белокурые волосы. И без всякого сомнения – натуральные.

Дарья налила в чашечки кофе, и по помещению поплыл такой волшебный аромат, что Марьяна взяла обратно все свои невысказанные предположения на предмет жмотства салона. Кофе был хороший и явно не из дешевых.

– Прошу вас! Угощайтесь! – Дарья сделала рукой приглашающий к трапезе жест, и Марьяне ничего не оставалось, как поднести к губам крохотную чашечку.

Дарья дождалась, когда клиентка глотнет кофе, и уверенно произнесла:

– Ну вот! И вы себя уже лучше чувствуете, не так ли?

Марьяна, обжегшись горячим кофе, подумала, что если это Каштановое Каре еще хоть один раз спросит: «Не так ли?», то она уйдет из «Мадлен» и купит что-нибудь подходящее в ларьке возле метро.

Дарья с хорошо натренированным изяществом тоже глотнула кофе и наконец приступила к делу:

– Ну что же! Теперь, пожалуй, можно и определиться с заказом.

Марьяна, напрягшись, ждала сакраментального «Не так ли?», чтобы можно было сразу сбежать, но женщина, опустив это присловье, спросила:

– Расскажите, что вы хотите.

Поскольку раздражающего ее вопроса не прозвучало, Марьяна вынуждена была начать:

– Понимаете, я сама не знаю, что мне лучше всего у вас заказать. Дело в том... Вы, конечно, уже обратили внимание на мои волосы...

Менеджер дипломатично кивнула, едва-едва, и ее каштановое каре слегка колыхнулось.

– Так вот, – продолжила Марьяна, – мне хотелось бы, чтобы изменение моей внешности не бросилось в глаза слишком резко... Понимаете?

Дарья еще раз утвердительно колыхнула своим каре и сразу предложила:

– Тогда вам следует начать с отдельных накладок, например, с одной – на затылке. Сейчас мы примерим. Пройдемте, – и она неуловимым движением распахнула перед Марьяной дверь в другое помещение.

Оно представляло собой маленькую комнатку с большим, во всю стену, зеркалом и крутящимся креслом перед ним. Марьяна была усажена в кресло, а Дарья где-то нажала какую-то кнопку, и стены комнаты разъехались в стороны, обнажив застекленный шкаф с париками на белых болванках, уже без всяких глаз и губ, и штабелями темно-синих коробок. Из одной коробки она вытащила нечто пушисто-пепельное и приложила к затылку клиентки. Марьяна невольно улыбнулась. Ее прическа сразу стала пышнее.

– Вот-вот! – торопливо заговорила она, боясь, что это богатство опять будет спрятано в недра коробочки. – Я возьму у вас это! Сколько стоит? Как это прикреплять? А оно не свалится?

– Мне кажется, что эта накладка несколько не подходит к тону и фактуре ваших волос, – покачала своим каре Дарья.

– А мне кажется, что ничего...

– Насколько я поняла, вы хотели, чтобы ваше преображение происходило постепенно...

– Да-да! – перебила ее Марьяна. – И это как раз то, что нужно. Потом, наверное, можно будет добавить что-нибудь сбоку...

– Взгляните! – Дарья крутанула кресло, в котором сидела Марьяна, и дала в руки нетерпеливой клиентке зеркало, чтобы она могла рассмотреть свой затылок.

Зеркало в ослабевшей Марьяниной руке дрогнуло и чуть не упало на пол. Накладка на ее затылке смотрелась пушистым хвостиком зайца-беляка.

– А другого цвета у вас, конечно, нет? – упавшим голосом спросила Марьяна.

– У нас есть разные цвета, но ваш собственный цвет такой... неординарный, что придется перекрашивать. И еще... думаю, стоит подобрать более тонкий исходный материал.

– Материал? – переспросила Марьяна. – А это разве не натуральные волосы?

– Это синтетическое волокно, но оно ничуть не хуже натурального волоса. Его также можно мыть и красить.

– То есть сегодня мне купить у вас ничего не удастся?

– Пожалуй... нет, – с сожалением тряхнула своим каре Дарья. – Но вот уже завтра...

– Понимаете, мне нужно сегодня! Обязательно сегодня! – Марьяна проговорила это таким тоном, будто от накладки зависела вся ее жизнь. – Может быть, вы подскажете адреса других салонов?

– Я могу подсказать, но думаю, что вам и там сразу ничего не предложат.

– Это вы специально так говорите! – почему-то вдруг разозлилась Марьяна. – Чтобы клиенты от вас не уходили...

Дарья улыбнулась:

– Вы зря так думаете. Нам хватает клиентов, поверьте. Мы, кроме отдельных лиц обслуживаем театральные коллективы и киностудии. Не горячитесь. Особенно не советую ничего покупать в самопальных бутиках. Купив там накладку, вы рискуете оказаться в смешном положении, когда она у вас отстегнется в самый ответственный момент или расплзется в клочья на дожде. И что такое один вечер? Завтра вы сможете забрать свой заказ уже в десять часов утра.

– В десять... – Марьяна прикинула, что с утра можно заехать в управление, потом завернуть в «Мадлен», а из салона уже отправиться к себе в налоговую. – Ну хорошо. Только ровно в десять!

– Разумеется! Мы никогда не подводим наших клиентов. – Дарья откуда-то вытащила ножницы и, улыбаясь, попросила: – Разрешите отрезать у вас прядку, чтобы сверяться с ней по цвету и фактуре.

Марьяна кивнула. Дарья звонко лязгнула ножницами, уложила прядку в конвертик и предложила пройти в следующую комнату, чтобы оформить заказ.

Марьяна подавала семье ужин, тупо глядя в пол.

– Что с тобой, Маша? – спросил Влад. – Неприятности на работе?

– Маме, наверно, угрожают злостные неплательщики налогов, – сострил одиннадцатиклассник Митя.

Поскольку эта его шутка была дежурной, даже Влад сморщился и предложил:

– Придумал бы ты, брат, что-нибудь поновее, а то уже скулы сводит от твоего незатейливого юмора, честное слово!

– Пожалуйста! – ничуть не обиделся Митя. – Тогда вполне могло произойти другое. Например... например, пришел новый начальник! А новые начальники обычно не любят старые порядки, и вот он...

– Хватит пороть чушь! – выкрикнула испуганная Марьяна и так шлепнула о стол тарелкой, что она развалилась пополам.

– Ну, это уже вообще ни на что не похоже! – Рассерженный Влад вскочил со стула и бросил жене, выходя из кухни: – Приведи, пожалуйста, себя в порядок, а потом мы, может быть, все-таки и поужинаем.

Митя, которому очень хотелось есть, зачерпнул ложкой жареной картошки прямо со сковородки, загрузил в рот, схватил с тарелочки сосиску и выбежал из кухни вслед за отцом. Марьяна в изнеможении опустилась на стул, с которого только что встал Влад.

Разве можно так распускаться? Она никогда прежде не позволяла себе такого. Хотя... такого с ней и не случалось прежде... Все равно: семья – это святое! Ее мужчины ни в чем не виноваты. Хорошо хоть Ванечка не видел ее в таком состоянии. Младший сын ходил к репетитору по русскому языку и вот-вот должен был вернуться домой.

Марьяна потерла обеими руками лицо, будто надеясь стереть то, что непременно должно было остаться на нем после взгляда Халаимова. Влад прав. Надо срочно привести себя в поряд-

док. Что-то она совсем расплзлась... Но она никогда еще не была в подобной ситуации. А что в такой ситуации делать с Владом? Неужели разводиться? Сейчас Марьяна наконец осознала, что никогда его не любила. Никогда! Она вообще никого и никогда не любила. За ее почти сорокалетнюю жизнь у нее было всего двое мужчин. Женя Федосеев – жалкий статист, которого она использовала в корыстных целях ознакомления с анатомией, мужской и женской, и с которым прошла свой первый секс-курс, и еще Влад. Муж.

Конечно, Марьяна когда-то сама выделила его из всех в институте, но полюбить, похоже, так и не сподобилась. Сначала пыталась вульгарно соблазнить, потом ненавидела за то, что не поддался, и в конце концов добыла его как трофей в изнуряющей и неравной борьбе. Трофеем оказался хорошим мужем и отцом, но сейчас это только осложняло дело.

Прежде чем разводиться, надо все как следует взвесить. Во-первых, у них с Тереховым дети. Их никак нельзя сбрасывать со счетов, учитывая, что оба сына обожают отца. Во-вторых, где гарантия, что Халаимов женится на ней? В-третьих, нет гарантии и того, что она захочет за него замуж, когда познакомится с ним поближе. В-четвертых... Это «в-четвертых» было самым скользким моментом... В-четвертых, Владимир Викторович вполне может и не соблазниться ею. Каждый прожитый день работает против нее, ибо не делает ее краше, а только добавляет морщин и седых волос. Кроме того, в налоговой инспекции столько женщин всевозможных возрастов, комплекции, интеллекта и сексапильности, что Марьяна на фоне некоторых может очень даже бледно выглядеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.